

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Доктор техн. наук	<i>Л. Д. Белькин</i> , ^д
доктор биол. наук	<i>Л. Я. Бляхер</i> ,
доктор физ.-мат. наук	<i>А. Т. Григорьян</i> .
доктор физ.-мат. наук	<i>Я. Г. Дорфман</i> ,
академик	<i>Б. М. Кедров</i> ,
доктор экон. наук	<i>Б. Г. Кузнецов</i> ,
доктор биол. наук	<i>А. И. Купцов</i> ,
доктор ист. наук	<i>Д. В. Ознобишин</i> ,
доктор физ.-мат. наук	<i>И. Б. Погребысский</i> ,
канд. техн. наук	<i>З. К. Новокшанова-Соколова</i> (ученый секретарь),
доктор хим. наук	<i>Ю. И. Соловьев</i> ,
канд. техн. наук	<i>А. С. Федоров</i> (зам. председателя),
канд. техн. наук	<i>И. А. Федосеев</i> ,
доктор хим. наук	<i>Н. А. Фигуровский</i> (зам. председателя),
канд. техн. наук	<i>А. А. Чеканов</i> ,
доктор техн. наук	<i>С. В. Шухардин</i> ,
академик	<i>А. Т. Янишин</i> (председатель)

Е. А. ОЛЬХИНА

Вильялмур
СТЕФАНСОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1970

Книга знакомит читателя с Вильялмуrom Стефансоном — важным полярным путешественником, разносторонним ученым, прогрессивным деятелем, неизменно выступавшим за правду, за дружбу и мир между народами.

Стефансон близок нам не только тем, что его научные взгляды во многом сходились со взглядами советских полярников, но и тем, что он активно выступал против обвалившегося в 30-х годах на Европу фашизма. Стефансон показал себя истинным другом Советского Союза и в дни «холодной войны», когда реакция, подвергнув его травле, оборвала начатый ученым монументальный просветительный труд — «Арктическую энциклопедию». Принципам гуманизма Вильялмур Стефансон был верен до конца своей жизни.

Ответственный редактор

доктор географических наук

Г. А. АГРАНАТ

От редактора

Вильямур Стефансон принадлежит к ушедшей в прошлое героической плеяде открывателей и исследователей Арктики. Он из тех романтических пионеров, которые шли в суровые полярные районы тогда, когда арктические путешествия были доступны лишь людям, наделенным научной одержимостью и исключительным мужеством. Многие из них были учеными с широкими интересами, они живо откликались на события общественной жизни, были гуманистами, выступавшими за права человека. Можно вспомнить Нансена, Расмуссена, Седова, Фрейхена. Таким был и Стефансон.

Советские читатели знакомы со Стефансоном по вышедшим в переводе на русский язык его книгам «Гостеприимная Арктика», «Охотники Крайнего Севера», «Новая страна на Севере» и несколькими статьям. Настоящая книга — первый в нашей стране научно-биографический очерк о Стефансоне. Ее автор — Е. А. Ольхина ряд лет была сотрудницей знаменитого полярного исследователя. Поэтому, работая над книгой, она наряду с документальными материалами использовала личные впечатления очевидца многогранной жизни Стефансона.

Рассказ о жизни и деятельности Стефансона — не только дань памяти знаменитого человека. Собранные им первые данные о природе и коренных жителях Арктики, некоторые его суждения не потеряли научного и практического интереса и в наши дни. Сбываются предсказания Стефансона о том, что роль Севера в жизни многих стран будет быстро повышаться.

В этих предсказаниях Стефансона, в неустанной многолетней пропаганде им значения Севера, стремлении раз-

рушить ряд укоренившихся заблуждений о природе и условиях жизни в этом крае, пожалуй, важнейшая заслуга ученого. Быстрые темпы заселения, хозяйственного освоения, а также все возрастающее внимание к Северу как в нашей стране, так и за рубежом свидетельствуют о правоте Стефансона, верившего в большое будущее северных районов. Даже в самых отдаленных местах, где проходили первые арктические походы Стефансона, в районе Канадского арктического архипелага, ведутся интенсивные разведки нефти и других полезных ископаемых, построены полярные станции, ходят ледоколы и подводные лодки.

Стефансон много писал о том, что нужно развивать воздушные сообщения между континентами по кратчайшим путям через Арктику. Теперь ряд крупнейших американских и западноевропейских фирм осуществляет регулярные межконтинентальные полеты из Осло, Копенгагена, Стокгольма, Парижа в Токио, Лос-Анджелес, Сан-Франциско через арктические районы, Северный полюс.

Для своего времени, когда Арктика представлялась почти мертвым краем, была весьма смелой теория Стефансона о том, что полярные моря могут полностью прокормить путешественников. Нельзя сказать, что эта теория полностью подтвердилась последующим опытом. Папанинская экспедиция отметила сравнительно высокую продуктивность Северного Ледовитого океана, но не пришла к выводу, что морской охоты достаточно для поддержания существования полярников. Но, во всяком случае, Стефансон один из первых твердо сказал, что арктические моря полны жизни.

Долголетнее сотрудничество автора со Стефансоном явилось, возможно, причиной слишком, на мой взгляд, восторженных или по крайней мере недостаточно критических оценок некоторых его научных позиций и практических действий. Не стоит даже косвенно оправдывать поддержку Стефансоном авантюрной экспедиции на советский остров Врангеля в 1921 г. тем, что он был не искушен в вопросах международного права, введен в заблуждение антисоветскими выступлениями английской и канадской печати и преследовал научные цели. В последующие годы Стефансон показал себя человеком, хорошо относившимся к Советскому Союзу, но факт поддержки этой экспедиции остался на его совести.

Отдельные научные положения и мнения Стефансона спорны или недостаточно доказательны. Кое-что из выказанного когда-то Стефансоном кажется слишком категоричным или просто устарело. Так, его гипотеза о происхождении светлых эскимосов до сих пор не стала признанной теорией. Излишне строг Стефансон в оценке участников трагически погибшей экспедиции Франклина.

Устарели некоторые использовавшиеся им термины. Деление антропологии на отдельные научные ветви теперь иное, чем то, которое принимал Стефансон.

В книге Е. А. Ольхиной несколько преувеличены некоторые научные заслуги Стефансона, в частности, при высокой оценке его роли в изучении эскимосов канадской Арктики никак нельзя согласиться с тем, что он был пионером эскимосологии вообще. Автор принимает на веру многие высказывания Стефансона и других ученых, которые не всегда правильны.

Все это, вероятно, следует учесть читателю. Но эти научные недочеты или по крайней мере спорные моменты книги вполне искупаются тем, что автор впервые в советской литературе создал образ Стефансона во всей его многообразной деятельности. Эту задачу автор, очевидно, и считал основной, не претендуя на глубокую и строгую оценку результатов его научных изысканий.

Е. А. Ольхина знакомит читателей с любопытными деталями жизни Стефансона, приводит много материалов из американской печати. Советский читатель впервые узнает о Стефансоне не только как об ученом-исследователе Севера. Автор рассказывает также о его трудах в области медицины. Представление о Стефансоне как о разностороннем ученом, общественном деятеле и писателе хорошо дополняет обширная библиография его работ. В целом книга Евгении Александровны Ольхиной — ценное пополнение научно-биографической литературы о выдающихся ученых и путешественниках.

Г. А. Агранат

Введение

Вильямур Стефансон всемирно известен как полярный исследователь. Автор двадцати восьми книг и сотен статей в научных и популярных журналах, он в течение полувека считался одним из самых крупных авторитетов по Арктике. Труды Стефансона, повествующие о его арктических походах, переведены на множество языков и пользуются большой популярностью у читателей. Высоко оценены они и учеными. Однако главная его заслуга не только в открытии дотоле неизвестных земель и островов, но и в том, что он один из первых подверг сомнению веками господствующие представления о Крайнем Севере как непригодном для человека, выступив за новое понимание роли Арктики в современном мире. Сокрушив псевдогероику, окружающую арктические экспедиции, он полвека назад заявил, что вместо романтики и поисков славы отныне побуждением к полярным походам послужат перспективы научных завоеваний и экономической выгоды.

Убежденный в неразрывной связи географии с историей, В. Стефансон указал на значение Арктики в жизни народов, чем во многом способствовал «ее вступлению в мировую историю». Еще в начале нынешнего века Стефансон предсказал продвижение рубежей населенности далеко на Север. Его пророчества о возникновении полярных городов, рудников, заводов, электростанций и даже курортов сбылись на Советском Севере намного раньше его ожиданий. Сбылись и его слова, сказанные в начале XX в., о том, что через несколько десятилетий будут осуществлены трансполярные перелеты и плавания под полярными льдами. Его дальновидность и глубокое понимание значения Арктики в современном мире оказались сродни советским полярникам, и поэтому не удивительно,

что, по словам И. Д. Папанина, «вклад в науку выдающегося ученого и полярного исследователя В. Стефансона высоко оценивается в Советском Союзе»*.

Менее известно, что В. Стефансон не только полярный исследователь, но также и многосторонний ученый. Прежде всего он антрополог. Немалый вклад внес он и в те отрасли знания, которые считал отделами антропологии, а именно в археологию, этнологию, фольклор. Изучение физиологии (по его мнению, отдела антропологии) малых народностей привело Стефансона к вторжению в медицину, созданию интересных трудов в этой области.

Стефансон — увлекательный рассказчик. Его исторические труды (десяток книг и множество журнальных статей), основанные на обширной и строго научной документации, отличаются не только своей познавательной ценностью, но и литературными качествами. В них ярко проступают черты Стефансона-гуманиста, прогрессивного социолога с его ярко выраженными демократическими симпатиями.

Из-за своих прогрессивных, зачастую непопулярных и не правоверных с точки зрения официальной науки взглядов Стефансон уже со студенческих лет оказывался спорной фигурой. Вокруг его имени много раз возникала полемика, на него ополчались и ученые, и знаменитые полярники, а позднее и небезызвестный реакционер, сенатор Маккарти, который в самый острый момент «холодной войны» 40-х годов загубил начатый Стефансоном монументальный труд — «Арктическую энциклопедию».

* Телеграмма И. Д. Папанина В. Стефансону от 3 ноября 1944 г. по случаю 65-летия Стефансона (личный архив В. Стефансона).

Детство и юность

Отцу Вильялмура, фермеру Северной Исландии Иохану Стефансону жилось настолько тяжело, что в 1876 г. в числе более двухсот фермерских семей (всего 1400 душ) он переселился в Канаду, где правительство отвело им полосу земли вдоль пустынных берегов озера Виннипег в провинции Манитоба. За густым лесом и болотами простирались беспредельные степи, откуда время от времени приходили миролюбивые индейцы.

Исландские переселенцы прибыли на место в самом конце лета и сразу же принялись за рубку леса и постройку бревенчатых изб. В Исландии климат сравнительно мягкий, а тут им пришлось познакомиться с морозами на 15—20° ниже привычной для них температуры. Первая зима оказалась очень тяжелой. Канадское правительство обеспечило переселенцев только крупой и солониной. Не было ни свежего мяса, ни капусты, ни картофеля, и вскоре среди прибывших началась цынга. Затем вспыхнула эпидемия оспы, и власти подвергли исландцев карантину, продлившемуся с октября до июля. В течение этого времени им не разрешалось посещать город Виннипег в поисках помощи или работы. В это тяжелое время погибло не менее одной трети переселенцев, в том числе двое из четырех детей Иохана Стефансона.

Исландцы отважно боролись за существование и, отрезанные от внешнего мира, пытались собственными силами наладить новую жизнь. Выходцы из самой древней республики Западного мира, основанной в 930 г. н. э., они установили на новом месте свои порядки, свои законы, распределили землю, основали школы, затем и церкви, библиотеки и различные общества, а после снятия карантина даже купили типографскую машину и стали издавать газету.

Родители Вильялмура Стефансона

Однако жизнь оставалась тяжелой, и в поисках более благоприятных условий многие семьи стали постепенно переселяться к югу, на территорию США. Стефансоны долго упорствовали, не желая покидать могилки двух погибших детей. Родившемуся 3 ноября 1879 г. Вильялмуру пришлось испытать всевозможные лишения в первый же год жизни. В ту зиму неоткуда было достать молока, и младенца кормили кашцей из вареной рыбы.

Когда Вильялмуру минул год, Стефансоны все же решили покинуть негостеприимный Виннипег. Но сначала они отправили старшего сына, тринадцатилетнего Иохана, с партией переселенцев в поисках места для нового жилья. Мальчик двинулся в путь осенью, а в апреле 1881 г. вся семья покинула Канаду. Будущий знаменитый ученый Вильялмур Стефансон прибыл в США в возрасте полутора лет, закутанный в старую шаль, колымаясь на скрипучей телеге, нагруженной жалким скарбом и запряженной последней оставшейся в живых лошадью.

В детстве Вильялмура считали слабеньким, и родители решили, что он годится скорее в священники, чем в фермеры, и что посему его следует учить грамоте. Мальчик легко освоил исландскую азбуку и, одолев Библию, стал увлекаться исландскими сагами, героическими сказами о скандинавских вождях и мореплавателях, уже в раннем средневековье доплывших до Гренландии, даже, по преданию, до самой Америки (что ныне подтверждено археологией). У юного Вильялмура зародились первые

мечты о дальних походах. Когда мальчик окреп, он стал ежедневно ходить пешком в школу за десять километров. Быстро научившись английской грамоте, он запоем читал все попадавшиеся ему книги. Героев исландских саг вскоре сменили Робин Гуд и Робинзон Крузо, затем пришел черед Буффало Биллу и приключенческим романам о ковбоях Дальнего Запада.

В 13 лет Вильялмур пережил первый тяжелый удар, изменивший всю его жизнь. Умер отец. Не имея возможности выплачивать долг, отягчавший ферму, Стефансоны ее продали. Содержание всей семьи — матери и младших братьев — легло на старшего сына, Иохана, и на подростка Вильялмура. Они брались за любую работу: батрачили на фермах, занимались то в пастухи, то в ковбой.

Юность, проведенная в прериях Северной Дакоты, где борьба с суровым климатом оказывалась подчас куда труднее того, с чем он позднее столкнулся в Арктике, закалила Вильялмура и физически, и духовно. Об этом он, в частности, рассказал в книге «*Hunters of the Great North*» («Охотники Крайнего Севера»). Вильялмур и трое его сверстников, решив копить деньги на учебу в университете, как-то взялись присмотреть за скотом и лошадьми одного фермера. Они поселились в сарайчике на расстоянии ста метров от коровника. Дважды во время пурги Вильялмур чуть не погиб, добираясь от сарая к коровнику. Позже он часто вспоминал об этом, утверждая, что в силу сходства климата и особенностей топографии Дакота послужила хорошей подготовкой к поллярным путешествиям.

Невзирая на тяжелый физический труд, Вильялмур не переставал учиться, много читал, увлекался поэзией, сам писал стихи. Им овладела страсть к науке, и он прилагал все усилия к тому, чтобы попасть в университет. Когда Вильялмуру исполнилось 18 лет, ему удалось провести несколько зимних месяцев в городке Гранд-Форкс. Юноша посещал здесь подготовительные курсы, в то же время продолжая работать, чтобы кое-как прокормиться и платить за жилье и учебу.

В этот период жизни Стефансон впервые пострадал за свои прогрессивные убеждения. Он поселился у фермерши, предоставившей ему койку и стол. За это Стефансон должен был присматривать за коровами. Однажды

*В. Стефансон — студент университета
в Северной Дакоте*

вечером среди столовавшихся в том же доме студентов разыгрался спор о теории Дарвина, причем Стефансон с особым жаром защищал Дарвина и резко высказался против только что напумевшего решения властей штата Миссури, осудивших преподавание теории эволюции. Хозяйка подслушала спор молодых людей. На следующее утро она потребовала, чтобы Стефансон немедленно покинул ее дом, заявив, что не может доверять своих коров безбожнику.

Когда Стефансон был принят в университет Северной Дакоты, он в первую же зиму нажил себе репутацию бунтаря-оппозиционера. В тот год в США большой интерес вызвала англо-бурская война. В университете, где учился Стефансон, был организован диспут под девизом: «США должны сочувствовать британцам в их войне против буров». Двадцать студентов, в большинстве своем старшекурсники, защищали позицию англичан; на стороне буров оказалось лишь трое первокурсников, в их числе был и Стефансон. Дебаты окончились сокрушительной победой маленькой оппозиции, причем Стефансона объявили самым блестящим оратором и ему был присужден

приз — десять долларов! Этот случай ознаменовал начало его ораторской карьеры. Речь Стефансона на диспуте стала его первым выступлением против колониализма.

Слухи об ораторских успехах молодого студента дошли до виннипегских исландцев-унитариянцев. Они пригласили Стефансона в Виннипег и назначили его своим представителем на «Интернациональную конференцию либеральных религий», которая должна была состояться в Бостоне. Стефансону поручили добиться поддержки и помощи для исландцев западных районов Америки. Стефансон отправился в Бостон и выполнил данные ему поручения. Эта поездка сыграла решающую роль в жизни юноши: он познакомился с профессором Фенном и д-ром Элиотом. В дальнейшем знакомство переросло в дружбу, о чем свидетельствует их переписка.

Все это время Стефансон жил в нужде и лишениях. Не удивительно, что он брался за любую работу: корчевал пни для фермеров, преподавал, писал статьи для местной газеты. Между тем в университете росла его репутация смутьяна, вскоре Стефансона исключили из числа студентов. Предлогом послужило его трехнедельное отсутствие, вызванное необходимостью заработка. Исключение из университета в середине учебного года могло повергнуть в уныние всякого, но не таков был Стефансон. Он энергично готовился и вскоре сдал экзамены и поступил в университет штата Айова. Проучившись здесь до конца учебного года, юноша получил степень бакалавра.

Вспоминая позднее о том, что произвело на него самое сильное впечатление, когда из диких прерий Северной Дакоты он попал в «цивилизованную» среду университетского городка, Стефансон писал, что «это были те события и новые идеи, которые помогли мне избавиться от предрассудков». А таких предрассудков было много. Например, приезжающие в Канаду или США переселенцы в большинстве своем перенимали у англичан пренебрежительное отношение к индейцам. Подобно многим американцам, проживающим в те времена на Дальнем Западе, Стефансон в детстве искренне верил что «единственно хороший индеец — это мертвый индеец». От своих древних предков — исландцев, некогда совершавших набеги на берега Ирландии и угонявших в рабство целые семьи ирландцев, молодой Стефансон и его сверстники

унаследовали пренебрежительное отношение к ирландцам, как к низшей расе. И вот юноше теперь приходилось «выкорчевывать из себя» следы дурного наследия прошлого.

В юношеские годы Стефансона особенно влекла антропология. Он упорно добивался стипендии в какой-нибудь из восточных университетов, где читался курс антропологии. Между тем профессор Фенн и д-р Элиот, встреченные им на съезде унитарийцев в Бостоне, в своих частых письмах уговаривали юношу пойти в унитарийские священники. В одном из писем они даже предложили финансировать его учебу на богословском факультете Гарвардского университета. Стефансон ответил, что твердо решил посвятить себя изучению антропологии, которая, по его мнению, делится на соматологию, антропологию и фольклор. Вместе с тем он считал религию отделом фольклора, поэтому спрашивал: согласны ли Фенн и Элиот финансировать изучение им религии как вида народного творчества? Стефансон, уверенный в отрицательном ответе, был приятно удивлен письмом Фенна, изъявившего готовность финансировать его учебу. При этом Фенн выразил уверенность в том, что после первого года обучения на богословском факультете Стефансон несомненно поймет, насколько подходяща для него карьера унитарийского священника, и наверняка решит продолжать учебу. Окрыленный перспективой стать студентом Гарвардского университета, Стефансон по окончании учебного года покинул Айову. В июне он прибыл на восточное побережье США и записался в летнюю школу Гарварда, а в сентябре уже был студентом-богословом.

Стефансон с жаром взялся за учебу. Помимо лекций на богословском факультете юноша посещал курсы биологии и антропологии. В первый же год обучения он поместил в фольклорный журнал статью об исландской литературе. Своим знанием средневековой истории Исландии и Гренландии он заинтересовал главу факультета антропологии и вскоре добился стипендии для продолжения учебы именно на этом факультете.

В 1904 г. Стефансону удалось осуществить давнишнюю мечту: во время летних каникул он посетил Исландию, родину своих предков. Через год по его инициативе была организована студенческая антропологическая экспедиция в Исландию. На древнем кладбище, размываемом

океаном, молодые антропологи собрали множество костей, 86 черепов и большое число зубов, причем среди них не оказалось ни одного кариозного. Это позволило Стефансону впервые сформулировать свою теорию питания, впоследствии подтвержденную и его многочисленными исследованиями на Крайнем Севере. Мысль о ней зародилась у Стефансона в результате рассказов матери. Она говорила, что во времена ее детства зубная боль была совершенно неизвестна среди населения Исландии, в рацион питания которого входили исключительно мясо, рыба и молочные продукты и отсутствовали продукты, содержащие углеводы (сахар, хлеб и т. п.).

Увлечение Стефансона антропологией росло. Он все глубже и глубже постигал тайны этой науки. Им овладевала мечта непосредственного изучения быта и нравов людей, ведущих еще примитивный образ жизни. При этом он имел в виду различные африканские племена. Но судьба рассудила иначе.

В июне 1906 г. в журнале «Американский антрополог» появилась статья Стефансона «The Icelandic Colony in Greenland» («Исландская колония в Гренландии»). Она привлекла внимание геолога Эрнеста де Ковен Леффингуэла, занятого в этот момент подготовкой «Англо-американской полярной экспедиции». Финансируемая рядом научных обществ и несколькими частными лицами, эта экспедиция отправлялась на поиски еще не открытого, но якобы существующего и населенного полярного острова и, разумеется, нуждалась в антропологе. Леффингуэл предложил Стефансону занять эту должность. Стефансон с радостью принял предложение. Молодой энтузиаст науки сразу же начал тщательно готовиться к будущим походам, изучать литературу о Крайнем Севере, об Арктике, об эскимосах.

Первая полярная экспедиция

Период полярных экспедиций Стефансона длился с 1906 по 1918 г., причем в общей сложности он провел в Арктике десять зим и тринадцать летних сезонов. Самое длительное пребывание Стефансона в Арктике продолжалось более пяти лет — с 1913 до конца 1918 г.

«Англо-американская полярная экспедиция» должна была отправиться ранней весной на паруснике «Дэтчесс оф Бедфорд» из порта Виктория в Британской Колумбии, обогнуть Аляску и плыть на восток вдоль северных берегов Канады. Но Стефансон совсем не хотел находиться долгие месяцы в плавании и быть лишенным возможности вести антропологические изыскания. Он согласился принять участие в экспедиции при условии, если ему разрешат присоединиться к ней лишь в заливе Макензи. Сюда он решил добираться сухим путем, а также по рекам и озерам Канады. Такое путешествие позволяло ему познакомиться с жизнью индейских племен Северной Канады, прибрежных эскимосов и заодно собрать интересные для науки образцы и материалы. Их он обещал предоставить музею Пибоди в Нью-Йорке и городскому музею в Онтарио, согласившимся финансировать его путешествие к Ледовитому океану.

Весной 1906 г. Стефансон прибыл по железной дороге в Эдмонтон. Отсюда началось его путешествие по рекам и озерам. Преодолевая пороги, волоки, пешком, на колесных пароходиках, баржах или плотах Стефансон медленно продвигался к океану. Случались и долгие периоды ожидания, но Стефансон не тратил время зря: он неустанно наблюдал, исследовал, записывал. В дороге ему приходилось присоединяться к случайным попутчикам: промышленникам или миссионерам, чиновникам «Компании Гудзонова залива» или представителям местных властей. Он многому научился от своих спутников. Впоследствии Стефансон часто вспоминал старого миссионера, давшего ему подробные сведения о состоянии здоровья местного туземного населения. В частности, от него Стефансон узнал о пагубном воздействии на туземцев образа жизни и питания белых людей. Оказалось, что ни индейцы, ни эскимосы никогда не страдали от зубной боли и не болели цингой, пока не стали по-

треблять в пищу сахар, крупу, консервы, завезенные белыми пришельцами.

В Арктику Стефансон прибыл молодым и неопытным исследователем. Его голова была полна теми мифическими рассказами, на которых основывался популярный в то время взгляд на Крайний Север. Однако, глядя на Арктику и ее обитателей с точки зрения антрополога, он вскоре уже начинает осознавать, что страна, где люди благополучно рождаются и счастливо живут до глубокой старости, не может быть той страной ужасов, о которых он слышал и читал.

Спустя несколько месяцев Стефансон добрался до устья реки Макензи и впервые увидел полярное море, покрытое плавающими льдами. Здесь он, наконец, познакомился с эскимосами. Они оказались совсем не такими, какими их описывали в книгах. Стефансона особенно поразила их размашистая, грациозная походка. У него даже создалось впечатление, что «эскимосы принадлежат к какой-то высшей расе».

От устья реки Макензи Стефансон на китобойном судне добрался до острова Хершел, где была назначена встреча с «Дэтчесс оф Бедфорд». Однако парусника там не оказалось. Никто ничего не знал о судне, и было лишь известно, что на западе господствуют тяжелые ледовые условия.

Ожидание в порту острова Хершел принесло Стефансону приятный сюрприз. На рейде стояло небольшое судно «Иоа», на котором тогда еще совсем неизвестный Амундсен совершил первое в истории плавание по Северо-Западному морскому пути — из Атлантики в Тихий океан. По приглашению Амундсена Стефансон провел несколько дней на борту «Иоа» и узнал много интересного о нетронутом цивилизацией острове Короля Уильяма, населенном эскимосами, еще сохранившими свой традиционный образ жизни.

Но самой волнующей для Стефансона была встреча с членами экипажа китобойного судна «Ольга», впервые посетившими берега острова Виктория. По рассказам моряков, население острова жило как эскимосы, одевалось как эскимосы, но было более похоже на европейцев, чем на эскимосов. Это подтверждали также и эскимосы, состоявшие в команде «Ольги». И все же, по словам моряков, жители острова несомненно были эскимосами; они пользовались

медными ножами и умело охотились на тюленя. Эти рассказы глубоко взволновали Стефансона-антрополога. Он с возрастающим нетерпением ждал прихода «Дэтчесс оф Бедфорд», на котором должен был отправиться к острову Виктория. Но проходили недели, месяцы, и стало очевидным, что в этот летний сезон парусник не сможет добраться до острова Хершеля.

Молодой антрополог Стефансон оказался на Крайнем Севере в полном одиночестве, без денег, без оснащения, без каких-либо припасов. Правда, он мог просить убежище у местных канадских полицейских властей: они несомненно приютили бы его у себя, а с открытием весеннего сезона позаботились бы о его возвращении в США. Но ведь Стефансон приехал на Север с целью изучения эскимосов, и ему совсем не хотелось просидеть всю зиму в полицейских бараках, на иждивении и в обществе канадских пограничников, без возможности близкого общения с населением. Поэтому он принял смелое решение: положиться на гостеприимство эскимосов, изучать их быт, будучи их гостем, учеником и другом.

Такое решение показалось по меньшей мере странным белым пришельцам-колонизаторам из западного «цивилизованного» мира: силен был предрассудок (в особенности среди англосаксов), что белый человек не может жить с эскимосами и как эскимос не может питаться их пищей и приспособиться к образу их жизни. Но Стефансон уже с ранней молодости привык восставать против предрассудков, он твердо решил выполнить свою работу антрополога, невзирая на то, что судьба разлучила его с экспедицией. Взявшись за изучение эскимосского языка, эскимосского образа жизни, полностью «участвуя в этом образе жизни», Стефансон сделал тот первый шаг, который впоследствии привел его к формуле: «Жить в Арктике за счет местных ресурсов».

Чтобы находиться подальше от колонизаторов и полностью вжиться в быт эскимосов, Стефансон перебрался с острова Хершель на материк и поселился в хижине пригласившего его эскимоса Рокси. Здесь началось его «приспособление к местным условиям жизни» и, разумеется, попутно изучение их. Однако вскоре Стефансон понял, что «ценность» Рокси как объекта для наблюдений «понизилась»: эскимос перенял слишком много «цивилизованных» привычек, слишком хорошо говорил по-английски

и т. п. Тогда Рокси предложил исследователю переехать за 250 км на противоположную сторону дельты реки Макензи. Там жил Оваюк, двоюродный брат Рокси, по словам последнего, «самый настоящий эскимос, сохранивший в полной неприкосновенности как эскимосский язык, так и эскимосский образ жизни. У Оваюка ты научишься тому, как столетиями жил наш народ до прихода белых людей» [1].

Стефансон провел всю зиму у Оваюка, ходил с ним на охоту и на рыбалку, помогал во всех хозяйственных работах. За это время Стефансон научился строить снежные хижины и полностью овладел эскимосским языком. Он вел тщательную запись всего, что наблюдал и слышал. Песни и рассказы, которые помогали коротать длинные зимние вечера, положили начало стефансоновской коллекции эскимосского фольклора и этнологических материалов, включая ценные записи головных указателей*.

После этой зимы, проведенной в сущности на иждивении друзей эскимосов, Стефансон пришел к заключению, что его бедность и беспомощность оказали ему громадную услугу. Благодаря им путешественник получил возможность близко познакомиться с эскимосами и их бытом. Эти люди проявляли сердечное гостеприимство, и он жил с ними как член семьи, принимал участие в их повседневной жизни, в их досуге и играх. У Стефансона сложилось мнение, что среди эскимосов социальные добродетели куда более развиты, чем в так называемом цивилизованном обществе, что в суровых природных условиях эскимосы умеют жить в мире и согласии. Восхищение Стефансона вызвал тот факт, что эскимосы не назначали вождя. Эта должность не являлась у них наследственной. Они признавали вождем своего соплеменника в силу всеобщего к нему уважения.

Стефансон отмечал, что его друг Оваюк пользовался уважением всех за доброту, гостеприимство и готовность всем помочь. Было известно, что Оваюк никогда не отказывал нуждающимся в пище, всегда был готов уступить товарищу свою рыбу, считая, что всякий имеет такое же право на нее, как и он сам. Ему никогда не пришло бы в

* «Головной указатель» — это антропологический термин. Он определяет (в градусах) отношение ширины головы к ее длине и служит признаком расовой принадлежности.

голову действовать по примеру белых и говорить: «Если я тебя кормлю, ты должен меня слушаться». Оваюк не обладал никакой формальной властью, но то, что он пользовался уважением и доверием всех, было равносильно власти.

Отмечая отношение эскимосов к своим собакам, столь отличное от жестокости некоторых путешественников Стефансон писал об одном из своих эскимосских друзей: «Если собаки проявляли усталость, он сам впрягался в сани. Он никогда не бил собак, он считал, что это подорвало бы его репутацию в глазах его племени» [2]. Стефансон, однако, добавляет, что «доброе отношение эскимосов к собакам почти совсем исчезло ко времени его последней экспедиции», объясняя это влиянием белой цивилизации.

Об отношении самого Стефансона к собакам свидетельствует следующая запись в его дневнике: «Сегодня умер Декоралук. Это самый замечательный пес, которого я когда-либо знал. Мне трудно выразить свои чувства, как это бывает трудно, когда умирает лучший друг. Декоралук долго служил мне верой и правдой. Мы вместе работали, и он часто выполнял работу тяжелее, чем моя, но он всегда оставался бодрым и веселым. Бывало, мы вместе голодали, но с ним это случалось чаще, чем со мной. Но как бы он ни был голоден и переутомлен, он никогда не отказывался помочь; он напрягал последние силы, а бывали такие случаи, когда и люди, и собаки отказались бы двинуться дальше [...] Он был изумительно благороден и великодушен [...] Однажды, когда в результате долгой голодовки и тяжелой работы от него оставались лишь кости да кожа, он отказался есть мясо из запасника, взломанного другими собаками [...] Хотя он был необыкновенно силен и ловок, он никогда не затевал драки, никогда не бросался на собаку, потерпевшую поражение [...] он был единственным псом, способным броситься на помощь обессиленному товарищу [...] Тяжело быть свидетелем смерти такого верного друга...» [3].

Стефансон любил путешествовать налегке, был против тяжелых грузов и всегда оптимистически надеялся удачно поохотиться на дичь или морского зверя. Порой случалось, что ему и его собакам приходилось поголодать. В его дневниках мы находим рассуждения о преимуществе кожаной и меховой одежды над шерстяной: в случае необходимости кожаную можно употреблять в пищу, причем «свежая сы-

рая шкура даже вкусна, если ее хорошо поджарить; она напоминает свиные ножки». Известно, что в прошлом полярным исследователям приходилось иногда убивать одних собак, чтобы накормить других или самих себя. Стефансон не прибегал к подобной крайности, но он неоднократно упоминал о таких случаях. «Что касается съедения своих собак,— подчеркивал он,— то одна эта мысль отвратительна. Дело не в том, что у меня предубеждение против собачьего мяса,— оно, вероятно, очень походит на волчье, а я знаю, что волчье мясо очень вкусно. Но когда вместе путешествуешь, собаки становятся твоими друзьями; они работают на тебя старательно и не жалуясь; вместе с тобой они радуются при удачах; они безропотно и терпеливо переносят голод и тяжелые испытания и как бы говорят тебе: «Мы уже не раз вместе переносили невзгоды, скоро опять наступят хорошие времена, но если нет на это надежды, ты можешь положиться на нас, мы поддержим тебя до конца». Для меня смерть собаки, верно служившей мне в тяжелые дни и помогавшей мне в удаче,— это смерть боевого товарища. Съесть такого друга равносильно людоедству» [3].

В отличие от большинства полярных исследователей — страстных любителей поохотиться, Стефансон не стремился зря убивать диких зверей: «Я — не охотник. Застрелить животное мне не доставляет никакого удовольствия. Когда мы говорим, что у дикого зверя есть какие-то шансы остаться в живых, вступая в поединок с охотником, мы лишь пытаемся оправдать себя перед лицом осуждения собственной совести. Звери всегда предоставляют нам возможность уклониться от схватки. Их единственное желание, их единственная надежда — это спрятаться или спастись бегством. Опыт показывает, что зверь вступает в бой только если он ранен или загнан в тупик, или если он защищает своих беспомощных детенышей. Как бы ни был зверь наделен природой зубами, когтями и часто громадной физической силой, у него нет никаких шансов в поединке с человеком, вооруженным огнестрельным оружием» [1].

Наступила весна, и Стефансон вернулся на остров Хершел. Вскоре он узнал, что парусник «Дэтчесс оф Бедфорд» был зажат льдами у острова Флакман и простоял там до весны. Когда же началось таяние льдов, судно не выдержало нагрузки, расплозлось по швам и утонуло.

Участники экспедиции не смогли следовать далее. Мечта Стефансона — попасть на остров Виктория для изучения еще не тронутых цивилизацией племен — не осуществилась.

И тогда начинающим исследователем овладела мысль организовать новую экспедицию на остров Виктория. Но для этого надо было вернуться в США. Стефансон стал пробираться на Запад, вдоль берегов моря Бофорта, оставиваясь и исследуя места, где, по рассказам местных стариков, некогда располагались поселки эскимосов. Большим успехом увенчались раскопки Стефансона на острове Джонс. Здесь в XVII и XVIII вв. несомненно находились поселения эскимосов. Теперь на месте их высились холмы. Стефансону удалось найти изделия из моржовой кости, а также костяное и деревянное оружие.

Нагруженный коллекциями и записками, Стефансон пробрался на Аляску, отсюда морем — в Сиэтл и, наконец, по железной дороге — в Нью-Йорк. В пути он оформил свой научный доклад Американскому географическому обществу, а также написал популярную статью для журнала «Харперс», которая была опубликована вскоре по возвращении Стефансона в Нью-Йорк. Затем его научные статьи появились в журнале «Американский антрополог», «Журнале американского фольклора» и в канадском геологическом журнале «Геологический обзор Канады».

Вторая полярная экспедиция

Стефансон был уже «одержим» Арктикой. Он мечтал во что бы то ни стало попасть на остров Виктория. Ободренный успешным сотрудничеством в научных журналах, Стефансон осенью 1907 г. обратился в Американский музей естественной истории с предложением взять на себя организацию экспедиции на этот полярный остров. В своем докладе он убеждал руководителей музея в необходимости скорее изучить жизнь и быт народа, еще не вступившего в контакт с мореплавателями, промышленниками и миссионерами. При этом Стефансон подчеркивал, что, владея

эскимосским языком и научившись жить и питаться, как эскимос, он не нуждается ни в большом числе спутников, ни в корабле, ни в особой одежде, ни в запасах продовольствия. Ему нужно было лишь 2 тыс. долларов на покупку самого необходимого снаряжения. О том, как Стефансон завоевал поддержку руководства музея, причем не столько научно обоснованными доводами, сколько своей страстной и твердой верой в достижение цели, свидетельствует д-р Генри Ферфильд Осборн, президент Американского музея естественной истории, написавший предисловие к книге Стефансона «My Zife with the Eskimos» («Моя жизнь с эскимосами»).

«Осенью 1907 года ко мне в музей явился молодой человек, который произвел на меня очень серьезное впечатление. Он хотел исследовать полярные области не ради открытия полюса, а с целью антропологического исследования еще не известных науке племен [...] Он ничего не просил для себя и очень мало на оснащение экспедиции [...] Я подробно не рассмотрел научную сторону его плана, потому что на меня произвела глубокое впечатление личность и сдержанный энтузиазм молодого человека, словом, меня привлек не проект, а сама личность Стефансона. Быть может, это новый Нансен, Пири или Шеклтон...» [4].

Музей и Канадский институт геологических исследований заинтересовались дешевой, но многообещающей экспедицией и ассигновали на нее 2 тыс. долларов. В экспедицию неожиданно включился товарищ Стефансона по университету Айовы Рудольф Мартин Андерсен, уже заслуживший признание как блестящий геолог и зоолог. Ранней весной 1908 г. они отправились на Север совсем налегке, взяв с собой лишь два фотоаппарата с запасом пленок, два мощных полевых бинокля, три ружья, две палатки, табак для эскимосов и, наконец, карандаши и бумага для записей. Все это снаряжение они тащили на своих плечах, пробираясь на Север по рекам, озерам, а порой и волоком, по пути, уже пройденному Стефансоном весной 1906 г. Предполагалось, что экспедиция продлится один год. Но обстоятельства перечеркнули все планы, и в конечном итоге Стефансон и Андерсен вели свои исследования непрерывно в течение пяти лет.

Добравшись в июле до устья реки Макензи, Стефансон и Андерсен уже подумывали о продвижении вдоль берега

на восток к проливу Долфин-энд-Юнион. Перебравшись через этот пролив, они предполагали достигнуть конечной цели похода — острова Виктория, но неожиданное обстоятельство на целый год задержало выполнение их плана.

В те времена во всех главных портах канадского побережья можно было легко запастись каким угодно количеством спичек. Однако летом 1908 г. на Хершеле спичек в продаже почему-то не оказалось. Правда, путешественников мог обеспечить спичками местный полицейский начальник. Но он считал, что, пускаясь в путь без припасов, полагаясь на охоту и рыбную ловлю, Стефансон и Андерсен обрекают себя на смерть. Поэтому он отказал им в спичках, не желая быть, по его мнению, повинным в гибели путешественников. Полицейский даже предложил им поселиться в хижине недалеко от полицейских барачков, обещая снабжать всем необходимым в течение зимы.

Но Стефансон и Андерсен прибыли в Арктику не для изучения нравов канадской северной полиции. Они отправляются на мыс Барроу, лежащий на расстоянии 700 км к западу от острова Хершел в надежде запастись там необходимыми для дальнейшего путешествия вещами. Они понимали, что на этот маршрут уйдет остаток лета, и, следовательно, к острову Виктория удастся выйти не раньше будущей весны. Однако их утешало то, что по дороге к мысу Барроу Стефансон сможет вести научные наблюдения и знакомиться с местным населением, а Андерсен — собирать зоологические образцы. И действительно, по пути к Барроу и за довольно длительное время пребывания там Стефансон не только собрал богатый археологический, этнологический, антропологический и фольклорный материал, но и во многом усовершенствовал свое знание эскимосских диалектов. Он составил эскимосский словарь, насчитывающий 9 тыс. слов, и записал 100 тыс. слов эскимосского фольклора. В этом ему очень помогла дружба с эскимосом Наткусиаксом, знатоком эскимосских диалектов. Наткусиакс охотно стал членом экспедиции. Вскоре Стефансон уже мог, слушая эскимосских певцов и сказителей, записывать тексты непосредственно на их языке. Несмотря на трудные условия похода, Стефансон неизменно записывал все, что удавалось узнать об эскимосском фольклоре. Уже тогда молодой исследователь умел продуктивно использовать периоды вынужденного ожидания или бездействия.

Осенью 1909 г., возвратившись с мыса Барроу, экспедиция Стефансона — Андерсена миновала остров Хершел и достигла мыса Парри. Отсюда должен был начаться поход на никем не исследованный остров Виктория. Участок пути, который предстояло преодолеть путешественникам, пользовался дурной славой среди западных эскимосов — участников экспедиции. Это был грозный мир белого безмолвия. Человек не селился здесь из-за отсутствия какой-либо живности. Смогут ли путешественники добывать на этом отрезке пути пропитание? Надвигалась полярная ночь, и они решили разбить лагерь. В течение зимы участники экспедиции занимались охотой, создавая запасы мяса, шкур и ворвани. Эту зиму Стефансон подробно описал в книге «Моя жизнь с эскимосами».

В апреле 1910 г. участники экспедиции двинулись на восток. Следуя вдоль берега пролива Долфин-энд-Юнион, путешественники напали на следы нарт и вскоре оказались у селения, состоящего из снежных хижин. Жителей этого поселка Стефансон назвал «медными эскимосами» («Copper Eskimos»). Они встретили Стефансона и его спутников настороженно. Но, убедившись, что это живые люди, а не духи, пригласили в свои жилища и стали угощать. Стефансон так описал эту встречу:

«Это было тем днем моей жизни, о котором я так страстно мечтал [...] Мне, ученому, изучающему человека, главным образом первобытного человека, наконец, удалось познакомиться с народом давно минувшей эпохи [...] Тот факт, что они проживают на том же континенте, где расположены и наши перенаселенные города, является анахронизмом в какие-нибудь десять тысяч лет! Их жизнь является отражением жизни наших далеких предков, чьи кости и примитивные орудия мы находим в доисторических пещерах, раскапываем в прибрежном гравии [...] не остатки каменного века, а сам каменный век с его живыми мужчинами и женщинами, приветствовавшими нас как друзей. Это добрые, гостеприимные, приветливые люди, это те «дикари», до которых я мечтал добраться...» [4].

Стефансона особенно заинтересовало то, что «медные эскимосы» относились к нему, как к человеку им подобному, причем, когда он спросил их: «Не кажутся ли им странными, необычными его серые глаза и светлые волосы?», то услышал в ответ: «Нет, ведь у наших северных

соседей, на острове, такие же голубые глаза и рыжие волосы, как у вас. Вы должны обязательно их посетить». Эти слова глубоко взволновали Стефансона. 15 мая он поспешно собрался и в сопровождении Наткусиака и местного эскимоса, согласившегося быть их проводником, двинулся на север.

О своей незабываемой встрече с жителями поселка, расположенного по ту сторону пролива Долфин-энд-Юнион, на самом берегу острова Виктория, ученый писал: «Они стояли перед своими снежными домиками и палашами из звериных шкур [...]; когда я их увидел, я понял, что нахожусь на пороге крупного научного открытия [...] Глядя на этих людей, я понял, что либо наткнулся на последнюю главу одной из исторических трагедий далекого прошлого, либо передо мной новая загадка, которую еще предстоит разрешить: почему эти люди похожи на европейцев, если они не европейского происхождения?» [4].

Наткусиак был не менее Стефансона ошеломлен видом жителей острова и все повторял: «Это не эскимосы, они только одеваются, как эскимосы, только говорят и живут, как эскимосы».

В последующие месяцы благодаря своему уже довольно совершенному знанию эскимосского языка и помощи Наткусиака Стефансон изучал местных эскимосов, записывал их фольклор, собирал этнологические и другие образцы их первобытных орудий и домашней утвари, измерял лицевые показатели. Согласно исследованиям авторитетного антрополога, признанного знатока эскимосов д-ра Франца Боаса, «головной указатель» эскимоса превышает 100. Измеренный же Стефансоном, этот указатель светлых эскимосов равнялся 97, что говорило о «европейском наследии».

Посетив остров Виктория, экспедиция повернула обратно на запад. Поначалу отряд двигался вдоль берега моря. Путешественники часто и подолгу останавливались для сбора образцов (археологических, этнографических, антропологических, зоологических, геологических) и дальнейшего подробного изучения быта жителей, встречаемых на пути поселков, как прибрежных, так и расположенных вверх по течению рек.

Вблизи Пойнт-Стивенса были произведены обширные раскопки древних поселений и захоронений. Стефансону

и Андерсену удалось найти множество стрел, копий и гарпунов с медными наконечниками, а также разные изделия из китового уса, моржовой кости и оленьего рога, медные котелки и сосуды-светильники. Однако они не смогли обнаружить остатки рыболовных сетей и прочих к ним принадлежностей. И Стефансон пришел к логичному выводу: эскимосы этой полярной области в прошлом не пользовались сетями для рыбной ловли. Исследователи извлекли из раскопов большое количество глиняных черепков. Последняя находка положила конец многочисленным спорам ученых о наличии у эскимосов зачатков гончарного дела. Принятая большинством археологов теория д-ра Франца Боаса, утверждавшего, что доисторические эскимосы не выделяли глиняных горшков, а пользовались изготовленной из стеатита посудой, рухнула.

Когда в Американский музей естественной истории пришло известие о том, что среди отправленных из Арктики ящиков с образцами имеется ящик с надписью «глиняные черепки», профессор Боас проявил заметное раздражение. Он заявил работникам музея, что в ящике, без сомнения, окажутся осколки предметов из мыльного камня, т. е. стеатита, тем самым явно намекая на невежество Стефансона-ученого. Д-ра Боаса пригласили присутствовать при вскрытии ящиков. Однако, когда работники музея с волнением начали открывать ящики, Боаса в музее не оказалось...

Стефансон привез в музей более 20 тыс. археологических образцов. Его путевые дневники явились богатейшим источником этнологических данных. Позднейшие раскопки и исследования подтвердили результаты находок и заключения Стефансона. Известный антрополог и этнолог Генри Б. Коллинс писал, что блестящие достижения Стефансона в Арктике можно назвать прикладной антропологией. Данными Стефансона ученые пользовались двадцать лет спустя. Об этом свидетельствует статья д-ра Карла Сельцера «Антропометрия западных медных эскимосов, основанная на данных Вильялмура Стефансона», опубликованная в 1933 г. в сентябрьском номере (№ 3) журнала «Биология человека».

При весьма скромном снаряжении, даже без собачьих упряжек и без туземных носильщиков и проводников, Стефансон блестяще достиг своей цели: изучил жизнь и быт «эскимосов каменного века», увидел «эскимосов евро-

пейского расового типа», собрал множество антропологических и других образцов. За пять лет путешествия он прошел несколько тысяч километров, большей частью по неисследованным еще территориям. Тайна его удачи заключалась главным образом в его отношении к эскимосам. До него полярные исследователи считали эскимосов наемными слугами: им приходилось бежать с грузом на плечах рядом с нартами, на которых, комфортабельно развалившись, ехали «путешественники». Стефансон же обращался с эскимосами как с равными, они были его друзьями и наставниками, делили с ним удачи и невзгоды. Благодаря такому отношению к эскимосам, знанию их языка и пониманию их психологии, Стефансону удалось собрать редчайший этнографический материал. Не сделай он этого, человечество, пожалуй, никогда бы не узнало о характерных чертах быта коренных жителей Крайнего Севера — быстрое «наступление цивилизации» на эту область уничтожило следы прошлой жизни эскимосов. В этом — самая ценная заслуга Стефансона. Спустя полвека он так писал о результатах экспедиции: «Мои достижения — своего рода дар каменного века. Ведь только путем изучения быта наших недооцененных примитивных северных соседей мне удалось то, чего я достиг» [2].

Стефансон и американская пресса

Осенью 1912 г. пассажирский пароход доставил Стефансона из аляскинского порта Ном в порт Сиэтл. Здесь его встретил журналист местной газеты Эндервуд. На следующий день в газете появилось его интервью со Стефансоном. Однако газетчик при этом многое приукрасил, его интервью имело громкий заголовок — «Американский путешественник открывает исчезнувшее племя белых людей, потомков Лейфа Эриксона».

Вокруг В. Стефансона разразилась буря. Фантастическое сообщение из Сиэтла подхватило множество американских газет. Стефансон оказался в весьма затруднительном положении: ему приписывали слова, которых не

мог сказать серьезный ученый. На него обрушились нападки, обвинения в обмане и хвастовстве. Осаждавшим его репортерам он мог лишь посоветовать обратиться в Музей естественной истории и в другие учреждения, поддержавшие его экспедицию, и почерпнуть у них его подлинные сообщения, а также мнения о них авторитетных ученых.

Но вскоре Стефансону удалось широко распространить свой подлинный отчет о посещении светлых эскимосов. Влиятельная американская газета «Нью-Йорк сан» попросила ученого выступить с подробным заявлением. Это заявление, в сопровождении картины, предоставленной музеем, появилось 15 сентября 1912 г., заняв целую полосу. Это был первый вклад Стефансона в спор об эскимосах европейского типа. Одновременно с заявлением Стефансона «Нью-Йорк сан» опубликовала множество телеграмм, полученных из разных стран мира, в которых приписываемые Стефансону слова назывались ребяческим вздором, вопиющей преступной ложью и т. д.

Позднее Стефансон вспоминал: «Самый тяжелый удар был мне нанесен величайшим историком Севера, прославленным Фритьофом Нансеном. Его мнение о приписываемых мне заявлениях выразилось в его намеке на то, что США, по-видимому, произвели нового д-ра Кука! Однако Нансен вскоре отмежевался от моих критиков, сообразив, что, будучи исландцем, я вряд ли мог быть таким невеждой в вопросах гренландской и скандинавской истории, каким меня представляли сообщения из Сиэтла [...] Но другой, тоже знаменитый норвежский исследователь, не изменил своего мнения, а, наоборот, усилил нападки, направленные лично против меня. То был Руаль Амундсен, находившийся тогда на вершине славы ввиду только что осуществленного им плавания по Северо-Западному морскому проходу из Атлантики в Тихий Океан...» [2].

Нью-Йоркский клуб исследователей, членами которого были и Амундсен, и Стефансон (причем Амундсен был уже почетным членом и обладателем медали), официально не занял чью-либо сторону. Однако в отчете клуба о симпозиуме, рассматривавшем спорный вопрос, отмечалось: «Весьма возможно, что Амундсен был введен в заблуждение, потому что многие из заявлений, приписываемых Стефансону, никогда не были им сделаны...» [2]. А сам Стефансон многократно повторял, что никогда не приписывал себе «открытия» светлых эскимосов.

Не удивительно, что Стефансон и Амундсен оказались на прямо противоположных позициях. Ведь Стефансон был не спортсменом, а ученым. Его интересовали научные исследования, он не гнался за открытием новых земель, пусть даже во имя престижа. Амундсен же был ярким представителем категории полярников-спортсменов. Он первым проплыл по Северо-Западному морскому пути, затем собирался первым достигнуть Северного полюса, но, когда его опередил Пири, Амундсен первым добрался до Южного полюса и сделал это на месяц раньше Роберта Ф. Скотта.

Стефансон отмечал, что многие из тех, кто принимал активное участие в споре о светлых эскимосах, были вероятно невежественны в истории Севера. В ту пору он и сам не обладал еще достаточными знаниями в этой области.

Вскоре после того, как разразился этот спор, старый заслуженный американский полярник А. В. Грили занялся изучением литературы в поисках упоминаний об эскимосах более светлого типа. Он располагал не только обширными печатными материалами, но и личной коллекцией редких рукописных документов. Исследователю удалось собрать полный перечень исторических заметок о светлых эскимосах начиная с Джона Дэвиса, посетившего Гренландию в 1585 г., и до наших дней. Он нашел много упоминаний о них в дневниках путешественников, прошедших от Гренландии до острова Виктория. К ним, например, относится голландец Николас Тюнес, побывавший на острове в 1656 г. Эти ранние сведения полностью опровергают предположение, что в «наличии светлых эскимосов повинны поздние, чуть ли не современные экспедиции европейцев».

Сравнивая результаты исследования Грили со своими наблюдениями, Стефансон писал: «Нет оснований утверждать, что светлые эскимосы острова Виктория являются потомками скандинавских колонистов Гренландии, но, рассматривая этот вопрос исторически и географически, нельзя найти ничего, что опровергло бы эту теорию» [2]. При этом Стефансон допускал, что «в светлых эскимосах текла кровь» тех исландцев, которые более девяти веков тому назад отплыли на северо-запад с Эриком Рыжим и основали колонию в Гренландии. Известно, что эта колония процветала несколько столетий, а затем исчезла, при-

чем это исчезновение история так и не объяснила. Возможно, что, оказавшись отрезанными от Европы, колонисты в силу естественных условий усвоили образ жизни эскимосов, взяли в жены их женщин и постепенно как бы «растворились» среди этого народа. Быть может в дальнейшем они продвинулись на запад, следуя за карибу, мускусным овцебыком, полярным медведем и тюленем, и спустя пять столетий оказались на острове Виктория. И Стефансон пришел к заключению, что «если эскимосы острова Виктория похожи на европейцев потому, что в них течет европейская кровь, то скандинавская колония в Гренландии не только служит объяснением, но как будто является единственным возможным объяснением» [4].

События второй полярной экспедиции Стефансон подробно описал в книге «Моя жизнь с эскимосами». Как уже отмечалось, она вышла в свет в 1913 г. Предисловие к ней написали президент Американского музея естественной истории Г. Ф. Осборн и декан колледжа прикладной науки Университета Британской Колумбии канадец Р. В. Брок. А ровно через год читатели смогли познакомиться со стефансоновским отчетом о научных наблюдениях и описанием собранных археологических и антропологических коллекций в сопровождении зарисовок, которые были опубликованы в 14-м выпуске «Антропологических записок» Американского музея естественной истории под заголовком: «Экспедиция Американского музея — предварительный этнологический доклад Вильялмура Стефансона».

В 1912 г., за два года до выхода в свет этого выпуска, А. В. Грили писал об открытиях В. Стефансона: «Велик вклад Стефансона в географию и этнологию Северной Америки... Канаде он добавил новые населенные территории [...] он посетил туземцев, весьма отличающихся от эскимосов Аляски и района Макензи, у многих голубые глаза и рыжие волосы [...] напрашивается заключение, что это смесь европейской и эскимосской кровей... но они географически расположены так, что в современную эпоху, т. е. со времени открытия Америки Колумбом, у них не могло быть никакого контакта с белым человеком». Грили привел цитату из письма Стефансона, доставленного ему до возвращения ученого из экспедиции: «...люди похожи более на скандинавов, чем на эскимосов [...] их культура и говор эскимосские, но я обнаружил одно-два слова, которые могли бы происходить от древненор-

вежского... Если считать примесь белой крови объяснением наличия светлого расового типа на юго-западе острова Виктория, то единственное историческое событие, которое может это объяснить, это исчезновение средневековой скандинавской колонии в Гренландии» [5].

Стефансон отмечал, что на острове Виктория, который не посещался европейцами в исторические времена, встречается куда больше индивидов с голубыми глазами, чем на северном побережье Аляски после полувекового контакта его коренного населения — эскимосов с белыми...

Отмечая значение Второй полярной экспедиции в деле изучения Крайнего Севера, Осборн подчеркивал, что «Стефансон сделал одно из самых замечательных открытий во всей истории полярных исследований — он открыл «гостеприимную Арктику». Это означает, что для тех, кто умеет там жить, для тех, кто умеет там наслаждаться жизнью, Арктика является не враждебной, а дружелюбной» [4]. Благодаря Стефансону, указывал профессор Брок, «мы получили ценнейшие сведения и самые замечательные коллекции, когда-либо привезенные с Севера [...] Он превосходно приспособился к местным условиям [...] он самый выдающийся из всех исследователей, работавших в канадской Арктике [...] замечательно ярко его описания обитателей северных земель, их жизни и быта...» [4].

Третья полярная экспедиция

Участие в дискуссиях о светлых эскимосах, составление доклада об экспедиции, подготовка серии статей, заказанных журналом «Харперс», работа над окончанием книги «Моя жизнь с эскимосами» не мешали Стефансону думать о новой большой экспедиции. На этот раз он ставил своей целью изучение тогда еще мало известного моря Бофорта. Однако прежде чем отправиться в поход, ему предстояло заручиться поддержкой крупных научных учреждений и выхлопотать большие средства. Экспеди-

ция должна была приобрести один или два корабля. Стефансону необходимо было подобрать научных сотрудников, найти капитана и команды моряков, опытных в полярном плавании. Дел ожидалось много.

Главной целью предыдущей экспедиции были этнологические изыскания. В новой экспедиции предстояло провести обширные географические наблюдения. Стефансон понимал, что путешественников ждут интереснейшие открытия и находки. Вместе с тем он надеялся, что им удастся проводить и научные исследования, причем ученый страстно мечтал найти подтверждение своей теории о наличии жизни под дрейфующим льдом. Последнее открытие, по мысли Стефансона, давало бы исследователям возможность в случае необходимости существовать на дрейфующих льдинах при помощи охоты. Такое утверждение в то время считалось многими исследователями вздорным и лишенным каких-либо оснований. Так, крупнейший авторитет в этой области сэр Клемент Маркхэм, президент Королевского географического общества в Лондоне, даже назвал море Бофорта «полярным океаном, лишенным какой-либо животной жизни».

Но Стефансон был убежден, что арктические воды населены живыми существами. Ученый верил, что повсюду, где есть планктон, несомненно, водятся и тюлени. На них можно охотиться теми же способами, которыми пользуются эскимосы в охоте вдоль побережья. По мнению Стефансона, люди, владеющие техникой охоты на тюленя, смогут добывать его из-под льдин, обеспечивая себя пропитанием и горючим. Тем самым путешественники избавят себя от необходимости тащить в дорогу тяжелые грузы.

Новая экспедиция получила название «Канадской арктической экспедиции». Она полностью финансировалась канадским правительством. В связи с ее подготовкой для закупки снаряжения и встреч с полярными специалистами Стефансон выехал в Англию. Он принял приглашение выступить перед Королевским географическим обществом, а также принять участие в работе Международного географического конгресса, собравшегося в Риме.

В Лондоне Стефансону пришлось впервые столкнуться с научным консерватизмом и классовой традиционностью британских ученых кругов и проявить свою оппозицию укоренившимся в науке предрассудкам. Позднее

он вспоминал: «После моего выступления в Королевском географическом обществе знаменитый Шеклтон, с которым я только что познакомился, сообщил мне о моих оплошностях. Первой было то, что одно из моих замечаний вызвало смех среди слушателей, а известно, что почтенным членам Королевского общества не полагается смеяться во время научного доклада. А вторая оплошность заключалась в том, что я похвалил того, кого не следовало хвалить. Уже прошло девятнадцать лет со времени смерти Джона Рей, но он все еще оставался «персоной нон гра» среди адмиралов, задававших тон на высшей социальной ступени полярных исследователей. Эти высшие чины британского флота считали, что, невзирая на свои успехи при использовании тех методов, за которые ратовал я, Рей опозорил себя тем, что опустил до туземного образа жизни ради того, чтобы остаться в живых и достигнуть своей цели» [2].

Третью непростительную оплошность Стефансон допустил, когда его пригласил к себе считавшийся тогда высшим авторитетом по океанографии сэр Джон Мэррей, прославившийся своей работой в экспедиции «Чалленджер» (1872—1876 гг.). Стефансон так описал этот инцидент: «Старик говорил с большим авторитетом и с достоинством, как подобает признанному старшине океанографов [...] Он упомянул об одном случае, когда корабль нуждался в пресной воде [...] Увидев «ледяное небо» на горизонте, сэр Джон понял, что он находится к северу от большой реки, откуда лед попал в море, и он приказал держать курс в направлении льда. И, разумеется, сказал сэр Джон, это оказалось речным льдом. Тут я сделал ошибку, спросив сэра Джона: почему он был уверен, что это речной лед? Наступило неловкое молчание, и великий океанограф взглянул на меня вопросительно, словно он меня не расслышал. Затем заговорил медленно, объясняя, что он убедился в том, что это речной лед потому, что вода на его поверхности была пресная, и они смогли наполнить судовые баки. Мне следовало бы молчать, но я сказал, что узнал от эскимосов, что поздним летом на любом льду озерки талой воды пресные. Взоры всех обратились на меня в ужасе и с укором, как будто я совершил недопустимую бестактность, а сэр Джон, взглянув на меня сурово, отвернулся и заговорил о другом. Было ясно: ему совсем не понравилось, что его научное

знание подвергается критике путем ссылки на рассказы „невежественных дикарей“» [2].

Стефансон уже тогда понял, насколько расходятся его взгляды с укоренившимися, закостенелыми взглядами представителей старшего поколения британских ученых, явно застрявших в XIX в., ознаменовавшем апогей британского владычества. Вспоминая о своих встречах в Лондоне, Стефансон отмечал: «Я начал сомневаться в том, что мне по душе быть британцем (ведь он был канадским подданным по рождению), если это означает вступление в ряды кипплинговских империалистов» [2]. Эти раздумья побудили его сменить спустя несколько лет британское подданство на американское гражданство.

Весной 1913 г. участники «Канадской арктической экспедиции» вышли в море на трех кораблях. Это была большая по тем временам научная экспедиция, в ней приняли участие не только геологи и антропологи, но также биологи, зоологи, океанографы и метеорологи. Разделившись на несколько секций экспедиция продолжалась пять лет. Это были годы полные приключений, удач и неудач. Случилось большое несчастье: в 1914 г. погибло попавшее в дрейф судно «Карлук», причем из 25 человек команды спаслось лишь 14.

Стефансон не был на борту «Карлука». Он возглавил географический отряд. Весной 1914 г. с двумя спутниками — Сторкером Сторкерсоном и Олом Андерсеном он на нартах, запряженных шестью собаками, отправился в поход по морскому льду. С собой они взяли лишь 30-дневный запас продовольствия, будучи уверенными, что смогут охотой добывать основное пропитание. Когда спустя несколько месяцев они не вернулись на базу, там решили, что путешественники погибли от голода. Большинство участников экспедиции не разделяло убеждений Стефансона о возможности прокормиться охотой, и вскоре весть о гибели ученого и его спутников распространилась по Аляске и докатилась до США. Лишь немногие друзья Стефансона все еще верили в теорию ученого, а следовательно, и в его спасение. Но их надежды были слабы: гибель Стефансона считалась несомненной, о ней сообщили все газеты. Каковы же были всеобщее удивление и радость, когда спустя полгода Стефансон и его спутники появились в полном здравии. Его благополучное возвращение явилось оправданием теории ученого.

*В. Стефансон на острове Банкс, 1914 г. Фото
Х. Уилкинса*

Единственным человеком, не терявшим веры в теорию Стефансона и в то, что он и его спутники благополучно вернутся, оказался тогда еще совсем молодой Х. Уилкинс (впоследствии известный как сэр Хьюберт Уилкинс), фотограф экспедиции, которому Стефансон назначил встречу у берегов острова Банкс и куда тот прибыл на вверенной ему шхуне. Именно тогда и началась долголетняя дружба Стефансона и Уилкинса, который всю жизнь оставался верным учеником Стефансона и первым из западных

исследователей «воплотил в жизнь его предсказание о подледном плавании»*.

Почти полвека спустя, 9 августа 1961 г., в одной канадской газете появилось сообщение о находке геологами-разведчиками на далеком безымянном островке, лежащем к северо-западу от острова Принс-Патрик, проржавевшей жестянки от какао, захороненной под пирамидкой камней. В банке оказалась записка Стефансона, датированная 14 июня 1915 г., т. е. тем самым временем, когда его считали погибшим. В ней сообщалось о дальнейшем маршруте, о полном здоровье всех участников похода, включая собак, о наличии продовольствия на пять дней и о том, что добывается достаточно мяса морского зверя на пропитание и ворвани на горючее. Наведшие записку геологи в своем интервью подчеркнули, что «не менее замечательным, чем находка полностью сохранившейся записки, является то, насколько точно Стефансон определил свое местонахождение при неблагоприятных навигационных условиях. Он располагал лишь карманным хронометром, весьма примитивным в сравнении с нынешними инструментами, и не имел возможности проверить его точность из-за своего четырехмесячного отсутствия на главной базе. Он определил местоположение с ошибкой только на 2,4 мили к западу и 5,7 мили к югу [...], а эта ошибка могла произойти, если его хронометр опаздывал на каких-нибудь 6 минут 52 секунды» [3].

Третья полярная экспедиция предоставила Стефансону возможность разработать свою теорию, обстоятельно сформулированную в его «The Friendly Arctic» («Гостеприимной Арктике»), а позднее в «Arctic Manual» («Книжке полярника»), своеобразном сборнике инструкций для случаев, которые могут произойти не только в полярных походах, но и в повседневной жизни в высоких широтах. Опыт пятилетней экспедиции показал: не обременяясь тяжелым грузом, тормозящим передвижение,

* Это произошло в августе 1931 г. Купив за бесенок выброшенную на слом американскую подводную лодку, собрав команду и подобрав группу научных сотрудников, Уилкинс отправился на Шпицберген для проведения своего опыта. К сожалению, ему удалось проплыть подо льдом только 20 миль, но все же он сделал любопытные киносъемки нижней поверхности льда. Судно оказалось негодным для достижения намеченной цели. На этом опыт Уилкинса закончился [2].

В. Стефансон возвращается с охоты. 3-я экспедиция 1913—1918 гг.

участники похода по суше и льду Арктики вполне успешно могут прокормиться охотой на морского зверя. Стефансон доказал на практике правильность выдвинутой им теории.

Позднее Стефансон пришел к заключению, что «самым ценным результатом этой экспедиции оказались не фактические достижения, а скорее возникшая в мировой мысли перемена, которая неминуемо последовала из широкого рассмотрения того, что было достигнуто, а главное **как** это было достигнуто. Перед знанием отступает не только невежество, но также и романтика. Первооткрыватель должен признаться в том, что мир обедняется в романтике [...], это происходит прямо пропорционально обогащению знанием. Наша экспедиция в большей мере содействовала облегчению того, что некогда было трудным, и сделала безопасным то, что считалось опасным. Для членов нашей экспедиции исчезла Арктика, овеванная романтическим и героическим ореолом, и ее место заняла гостеприимная, но весьма обыкновенная страна [...] Ведь враждебность Севера создается психологическим подходом южанина [...] Ведь только наш отказ изменить нашу точку зрения, наш психологический барьер мешает Северу превратиться в край, где можно жить и который можно использовать, как любую другую часть света [...]

Север являет пример того общего принципа, что человеку легче изменить облик природы, чем изменить свой образ мысли» [6].

Хотя отряд экспедиции, возглавляемый Стефансоном, считался географическим (его участники прошли 500 миль по морю Бофорта и исследовали более 100 тыс. кв. миль Западной Арктики), Стефансон непрерывно проводил другие научные наблюдения: сбор образцов зоологических, ботанических, геологических, океанографических и т. д. Научные результаты экспедиции были опубликованы в последующие несколько лет и заняли более двадцати обширных томов.

Главным интересом Стефансона неизменно оставалась антропология. В отличие от большинства полярных путешественников XIX в., которые просто-напросто считали, что у эскимосов нет истории, потому что они дикари, Стефансон тщательно занимался расшифровкой их исторического прошлого. В этом отношении важный интерес представлял его небольшой труд «Доисторическая и нынешняя торговля среди эскимосов арктического побережья», опубликованный Геологической службой Канады в «Антропологической серии» своих бюллетеней. На основе личных раскопок на арктических берегах Канады и собранных им народных преданий Стефансон пришел к заключению: уже в доисторические времена эскимосы почти полностью «открыли» Северо-Западный морской путь, путешествуя на санях по льду от Берингова пролива до Гудзонова залива. Эти походы преследовали торговые цели. Это подтверждается находками медных и каменных светильников далеко от мест их производства, а также находками на безлесных берегах деревянных изделий, несомненно привезенных из лесных районов, отстоящих на сотни километров от побережья. Последние находки также говорят о соприкосновении эскимосов с индейскими племенами. В сказах стариков-эскимосов проскальзывали упоминания о ежегодных ярмарках, на которые стекались эскимосские племена прибрежных селений, разбросанных на протяжении от Берингова пролива до Гудзонова залива. Следы этих ярмарок Стефансон обнаружил и в раскопках. Результаты раскопок позволили ему сделать вывод о существовании у ранних эскимосов разделения труда и специализации племен на изготовлении тех или иных изделий. Многочисленные результаты тщательных исследова-

ний, неустанно проводимых Стефансоном в годы его длительных путешествий вдоль американских и канадских арктических берегов, можно найти в американских и канадских музеях и в их археологических, этнографических и антропологических публикациях.

Пространны и насыщены научными сведениями записки Стефансона о фольклоре, который он страстно изучал, пользуясь каждым новым знакомством. Исследователь в совершенстве владел несколькими эскимосскими диалектами. Это во многом помогло ему лучше понять психологию туземцев, дружить с ними, вызывать их на откровенность. Ученый узнал о многом, что оставалось скрытым от рядового путешественника. Ему доверяли даже сохранявшиеся втайне от белых пришельцев верования; местные знахари научили его ряду заклинаний, доверили ему тайны колдовства и ворожбы. «Сколько можно узнать во время совместных поездок с эскимосами, если завоевать их доверие!» — восклицал Стефансон. При этом он отмечал один из прискорбных результатов христианизации: большинство эскимосов «теперь отказывается сообщать пришельцам что бы то ни было о своих древних верованиях. Они твердо их сохранили, но держат их втайне [...] Даже со мной они часто отказывались говорить о самом для них священном. Но я все же узнал, что в зависимости от одобрения или осуждения миссионеров они разделяют свои верования на две категории — на вредные и безобидные...» [6].

Гуманное отношение Стефансона к эскимосам несомненно оказало благотворное влияние на тех европейцев, с которыми он путешествовал в Арктике, и, вероятно, на тех поселенцев Севера, которые читали его книги. О грубых людях, встречающихся на Крайнем Севере, он писал: «Среди китобоев широко распространено мнение, что туземец — это дикарь, что наилучший способ обращения с ним состоит в том, чтобы с самого начала дать ему понять, что он низшее существо — точка зрения, сходная с обычной точкой зрения на юге США в отношении негров. Я никогда не обращался с эскимосами иначе, чем как с равными. Когда я впервые с ними познакомился, не располагая никакими средствами к существованию, они оказали мне гостеприимство, отнеслись ко мне дружелюбно и неизменно продолжали так относиться ко мне...» [6].

«Канадская арктическая экспедиция» подробно описана

Стефансоном в книге «Гостеприимная Арктика», которая является заметным вкладом в мировую арктическую литературу. Она вызвала живейший интерес не только среди полярников и моряков, но также и в широких кругах читателей всего культурного мира. В 1921 г. автору присудили приз — «Гранд сквайерс» — журнала Национального географического общества. По словам канадского историка и географа Д. М. Лебурдэ, «это самая великая из всех книг о полярных путешествиях [...] она увлекательна как приключенческая повесть [...] в ней автор не только повествует о своем участии в борьбе, которую человек с незапамятных времен ведет со стихией [...] она пронизана новым мировоззрением — мировоззрением, насущно необходимым обитателям Севера, в особенности Канады и Сибири» [3]. Эти мысли Лебурдэ явно перекликаются со словами О. Ю. Шмидта: «Мы не только верим в „Гостеприимную Арктику“ Стефансона, мы с ней сдружились, мы внесли в нее жизнь и мы включили ее в нашу жизнь» [7].

«Гостеприимная Арктика» завоевала мировую известность и была переведена на множество языков. В 1935 г. она вышла на русском языке в издании Главсевморпути. В предисловии к ней В. Ю. Визе писал: «Вильялмур Стефансон несомненно принадлежит к числу наиболее выдающихся полярных исследователей современности [...] его многолетние полярные экспедиции заслуживают нашего самого пристального внимания [...] Новый принцип: жить в Арктике за счет местных ресурсов [...] Арктика гостеприимна к человеку и животному, желающим применить к условиям Севера [...] Брошенный Стефансоном лозунг — «гостеприимная Арктика» родствен той деромантизации «зловещей» Арктики, которую советские полярники вели с начала работ в полярных странах [...] Нам, советским работникам Арктики, особенно понятно возмущение, которое заставило Стефансона начать борьбу против этого невежественного романтизма [...] Стефансон в течение пяти с половиной лет на практике пытался доказать правильность своей теории о гостеприимной Арктике [...] никакой героики, никаких фанфар [...] Чрезвычайно ценны как с научной, так и с практической точки зрения наблюдения над животной жизнью Арктики. Исключительное знание автором условий жизни в Арктике придает многим местам книги ценность инструкции для полярников. Практическими указаниями испещрена буквально вся книга [...] до самых

мелочей: как строить «иглу», как оберегаться от снежной слепоты, варить пищу, охотиться на тюленя, на оленя и т. п., как сохранять сухой одежду и т. д. [...] руководство чрезвычайно полезное для полярных робинзонов [...] для светских полярников эта сторона книги представляет особый интерес [...] большая заслуга в борьбе против ложного представления об Арктике как о безжизненной пустыне [...]» Но В. Ю. Визе тут же добавляет, что «нельзя не констатировать, что, реабилитируя Арктику, канадский исследователь несколько перегнул палку». Следует сказать, что В. Ю. Визе в этом же предисловии признает, что «для Советской Арктики Стефансон оказался пророком» [8].

В период с 1921 по 1939 г. «Гостеприимная Арктика» выдержала в Соединенных Штатах десять изданий. В 1943 г. вышло новое, одиннадцатое издание, причем Стефансон добавил в него еще одну главу и написал другое предисловие.

В 1948 г. Географгиз выпустил второе советское издание «Гостеприимной Арктики», к сожалению, не содержащее добавочной главы и нового предисловия Стефансона. Между тем эта глава, названная «Гостеприимная Арктика спустя 21 год», представляет большой интерес. В ней Стефансон выражает свое мнение — и какое восторженное мнение — о советских достижениях в Арктике, знакомит с ними американского читателя.

Снова на Большой Земле

В начале 1918 г., находясь на острове Хершел и занимаясь вместе со Сторкером Сторкерсоном подготовкой к экспедиции по льду моря Бофорта, Стефансон серьезно заболел — сначала тифом, потом воспалением легких. Больного приютил у себя полицейский начальник острова. Он же вместе с местным миссионером занялся его лечением. Однако и полицейский, и миссионер оказались весьма некомпетентными в медицине: состояние Стефансона непрерывно ухудшалось и было вскоре признано безнадежным. Но ученый не сдавался и даже настоял на

длинном и тяжелом путешествии в Форт-Юкон (более 500 км), где находилась ближайшая больница. К всеобщему удивлению и, казалось бы, вопреки логике, Стефансон прибыл в Форт-Юкон, лежа на каком-то подобии койки, прикрепленном к нартам, в состоянии куда лучше того, в котором он покидал остров Хершел. Но окончательное выздоровление пришло через несколько месяцев: только в сентябре он покинул больницу, направляясь в Нью-Йорк.

Повсюду его встречало всеобщее волнение: со дня на день ожидалось окончание мировой войны, о которой он почти ничего не знал в течение пяти лет! Стефансон прибыл в Нью-Йорк 31 октября 1918 г., в день, когда должно было состояться его первое публичное выступление. В зале Карнеги Холл его уже ожидала многочисленная аудитория. Однако он опаздывал, тщетно пытаясь натянуть на себя фрак и завязать накрахмаленный белый галстук. Как вспоминал Стефансон, пришлось срочно вызывать друзей на подмогу... Выступление имело большой успех, и Стефансон понял, что подниматься на трибуну ему предстоит много раз в жизни. Его второе выступление было назначено на 11 ноября в Торонто. На этот раз лекторскому мастерству Стефансона пришлось «соревноваться» с волнением, охватившим весь мир в день перемирия. К гордости исследователя, аудитория все же оказалась переполненной.

В те дни газеты горячо приветствовали отважного путешественника, о чьей гибели они сообщали дважды. Стефансона называли самым выдающимся полярным исследователем современности, многие научные общества выражали желание провести в его честь торжественные заседания, его отовсюду приглашали выступать с докладами. Нью-Йоркский клуб исследователей избрал его своим президентом, несколько географических обществ страны наградили ученого золотыми медалями.

Национальное географическое общество присудило ему золотую медаль Хэббарда. Выступая 17 декабря 1918 г. на церемонии вручения медали первооткрыватель Северного полюса Роберт Пири сказал: «Стефансон способен преодолеть любую проблему Севера [...] к сообразительности, настойчивости и твердой воле белого человека он присовокупил умение эскимоса пользоваться местными ресурсами [...] Стефансон разработал систему полного самоснабжения, он мог бы прожить в Арктике не пять с по-

В. Стефансон в Форт-Юконе, 1918 г.

ловиной лет, а пятнадцать. Сочетая отличные физические и умственные способности с практическим здравым смыслом, он побил все рекорды» [6].

Тогда же другой крупный полярник генерал А. А. Грили заявил: «Стефансон побил ряд уникальных арктических рекордов. Его пребывание в Арктике пять с половиной лет является мировым рекордом. Мы, старики-исследователи девятнадцатого века, приветствуем исследователя двадцатого века, который нас превзошел» [6].

И только знаменитый Амундсен, ранее нападавший на Стефансона в споре о светлых эскимосах, теперь снова

яростно обрушился на него, заявив, что Стефансон представляет «угрозу для будущих полярных исследований», потому что, дескать, не мог осуществить того, о чем говорит и пишет. По словам Амундсена, «так называемые открытия Стефансона, т. е. *светлые эскимосы и гостеприимная Арктика*, представляют из себя невероятный вздор, вредный и опасный вздор [...] Светлые эскимосы — это забавная игра его воображения, а гостеприимная Арктика — это искажение подлинных условий жизни на Севере, опасное для того, кто попытается сделать то, что *якобы* сделал сам Стефансон... Это означало бы идти на верную смерть. Говорить, что умелый стрелок может прожить питаясь исключительно добываемой им дичью, это искажать факты [...] Нелепые сказки Стефансона наносят вред планам экспедиций более серьезных исследователей. Однако везде встречаю я множество образованных людей, которые поверили его болтовне как истинной правде» [6].

Но эти нападки пошли на пользу Стефансону: «множество образованных людей» действительно поверили в «гостеприимство» Арктики. Спор между сторонниками Стефансона и Амундсена продолжался даже после гибели Амундсена. Последнее слово в нем сказали советские полярники — наличие жизни в Ледовитом океане было окончательно доказано папанинской экспедицией.

Вернувшись после долголетних странствий Стефансон оказался в совершенно новом для него мире — мире, сделавшем громадные шаги в области науки и техники. Ученому сразу стало ясно, что с приходом на службу человеку самолета и подводной лодки миновала эра полярного исследователя, отправляющегося в поход пешком и на собаках. Сама жизнь толкала Стефансона на новый путь, и он отказался от активной «полевой работы», считая, что его деятельность в этой области закончена. Он чувствовал, что необходимо пропагандировать новое мировоззрение о Севере в географии, научить людей понимать громадную роль Севера в мировом развитии. Стефансон решил лучше и полнее информировать человечество о «доселе оклеветанной» Арктике. Конечно, людям было кое-что известно о несметных богатствах Севера, об обширных пастбищах, о залежах нефти, угля, ценных металлов, об энергетических запасах и т. п. Но большинство людей, особенно на Западе, считало Север ужасающим,

Роберт Е. Пири, В. Стефансон, А. Грили и члены Американского географического общества в день вручения Стефансону медали Хэббарда

непригодным для поселения, было трудно найти желающих осваивать и развивать его природные ресурсы. «Мне хотелось продолжать мою кампанию воспитания уважения к Северу,— писал ученый. — Я хотел внести реформу в учебники географии и вообще повлиять на обучение в школах и университетах. Таков мой долг ученого в отношении науки...» [1].

С этой целью ученый и написал «Гостеприимную Арктику», где прежде всего поколебал старые понятия об Арктике. Его подробный рассказ о северных экспедициях стал отличным руководством по технике и методам полярного исследования на Крайнем Севере; все, чему он научился у эскимосов, ученый рационально развил в

этой книге. Стефансон ничего не упустил — начинающий полярник найдет в книге множество дельных советов: как изготовить кожано-меховую одежду и как ее носить, как избежать обморожения, как строить снежные дома, как охотиться на зверя, как предотвратить пингу, как передвигаться по земле, по воде, по морскому льду и т. д. «Гостеприимная Арктика» оказала большое влияние на развитие полярных исследований.

Стефансон всегда протестовал против возведения полярной исследовательской деятельности в ранг героической сверхчеловеческой работы. Он постоянно подчеркивал, что «наличие приключений является признаком некомпетентности [...] хорошо спланированная экспедиция проходит гладко и без особо волнительных инцидентов; опасное приключение является признаком того, что кто-то в чем-то сплосовал: в составлении плана или в выполнении его [...] преувеличение героизма полярного исследователя равносильно преуменьшению его умственных способностей...» [1]. Характерен следующий факт из биографии ученого. Как-то в начале его лекторской карьеры организатор лекций объявил Стефансону, что публика желает слышать о героических подвигах, об опасности и о тяжелых испытаниях полярников и совсем не интересуется «гостеприимной» Арктикой и «приветливыми» эскимосами. Исследователь без колебаний распрощался с этим агентом, прибегнув к услугам другого.

Стефансон стал знаменитостью. Его имя все чаще и чаще появлялось на страницах газет, на рекламных плакатах, возвещающих о выступлениях ученого. Приглашения выступить с докладом поступали из многих городов США, Канады и даже Англии. Стефансон по возможности стремился удовлетворить все заявки. Его дни были загружены до предела. Помимо работы над «Гостеприимной Арктикой» он много писал для журналов, научных и популярных. При этом Стефансон знакомил читателей не только с эпизодами своей многолетней жизни в Арктике, но и со своими исследованиями и находками в области антропологии, археологии, фольклора.

В этот период Стефансон разрабатывал свою теорию «полярного средиземноморья». По мнению исследователя, эта область в ближайшем будущем должна была стать местом интенсивного движения самолетов, дирижаблей, подводных лодок. Ученый считал, что полеты через Се-

селенный, необследованный и являющийся «ничейной территорией».

Так по крайней мере думали многие в западном мире и особенно американцы. Что касается Стефансона, то, проведя много лет вдали от цивилизованного мира, ученый почти ничего не знал о мировой войне, а тем более о пролетарской революции в России.

Американская пресса сообщала об этом величайшем в истории человечества событии самые невероятные и ложные сведения. Газеты цитировали слова крупного в то время авторитета маршала Фоша, утверждавшего на Версальской конференции, что «в России царит полная анархия» и что России как государства больше не существует. На молодежь Америки обрушивались потоки якобы документально обоснованных, а на самом деле лживых заявлений о том, что советские лидеры — платные агенты Германии и, следовательно, злейшие враги союзников, только что сокрушивших немецкого кайзера.

Буржуазная печать дезинформировала читателя и в области географии, в частности, в вопросах, связанных с исследованием полярных областей. Не избежал этой участи и остров Врангеля. Так, в декабрьском номере известного «Географического журнала Королевского географического общества Лондона» приводились весьма туманные и невежественные сведения об этом арктическом острове, принадлежавшем России. Например, журнал утверждал, что «русских не было на острове ни до, ни после 1911 года», закрывая глаза на плавание Вилькицкого. В результате подобной упорно распространяемой дезинформации большинство людей западного мира считало остров Врангеля ничейной территорией.

Неискушенный в дипломатических и политических тонкостях и, как он сам сознавался, «невежественный в то время в истории и в международном положении», Стефансон был, по-видимому, введен в заблуждение уклончивой реакцией правительства Канады на его предложение поддержать экспедицию на этот остров.

Известно, что в англо-саксонских странах испокон веков считалось традиционным, чтобы отважные мореплаватели и землепроходцы водружали свой флаг на открытых ими территориях, а затем подносили их в дар своему правительству. Но если выяснялось, что открытая территория уже принадлежит какой-нибудь стране, правительство не

принимало «подарка» и как бы оставалось в стороне от «невольного разбоя», совершенного его гражданами. Поэтому канадское правительство не спешило высказать свое мнение относительно экспедиции на остров Врангеля.

Воспитанные на английских приключенческих романах, невежественные в истории и тем более в международном праве четверо молодых канадских исследователей легкомысленно отправились к острову Врангеля. Они надеялись, что правительство Канады в случае удачи экспедиции признает их «открытие». Все они уже побывали в Арктике. Однако тогда ими руководил опытный Стефансон, а сейчас они шли без него. Различные дела помешали Стефансону принять участие в этом походе. Во время похода к острову канадские исследователи пренебрегли самыми элементарными инструкциями своего учителя. В результате все они погибли. Эту неудачную экспедицию Стефансон описал в 1925 г. в книге «The Adventure of Wrangel Island» («Поход на остров Врангеля»). В ее основу легли найденные дневники путешественников и показания оставшейся в живых участницы похода — эскимоски. Читая книгу, а также знакомясь с небольшой главой в его автобиографии, посвященной этой печальной истории, чувствуешь, что Стефансон считает канадскую экспедицию на о. Врангеля неверным шагом. Следует признать, что ученый в последующие годы полностью искупил эту трагическую ошибку.

Стефансона, этого неутомимого исследователя, привыкшего к энергичным действиям в суровых походных условиях, не удовлетворяла деятельность проповедника, пусть даже призывающего к экономическому и культурному освоению Арктики. И он представил канадскому правительству доклад о путях и возможностях развития Крайнего Севера. Ученый отмечал, что прежде всего Север должен производить свое продовольствие. Как только здесь будет достаточно мяса для пропитания, сюда начнут переселяться будущие добытчики несметных богатств этого края. В канадской Арктике, указывал Стефансон, можно вырастить миллионы северных оленей, а также овцебыков, чье мясо превосходно, а шерсть лучше овечьей.

В результате долгих переговоров и совещаний Стефансону удалось заинтересовать канадское правительство. Вскоре под эгидой старой опытной «Компании Гудзонова залива», уже несколько веков безраздельно распоря-

жающейся всеми природными богатствами Канадского Севера, было создано оленеводческое — «Оленеводство компании Гудзонова залива», которое получило от правительства в аренду около 100 тыс. кв. км пастбищ в южной части Баффиновой земли. На должность заведующего предприятием Стефансон рекомендовал своего товарища по арктическим походам, знатока оленеводства, опытного аляскинца Сторкерсона. Но энергичный и самостоятельный Сторкер Сторкерсон не мог поладить с бюрократической верхушкой компании, требовавшей полного и безоговорочного повиновения от полевых работников, считая их своими «слугами».

В 1922 г. из Норвегии были привезены олени и пастухи-лапландцы, но уже через год они побросали стада и уехали на родину; олени вскоре все разбрелись по округе, присоединившись к диким стадам карибу. Стефансон оказался плохим бизнесменом — оленеводческое предприятие Баффиновой земли полностью провалилось.

Стефансон — писатель

В 20-х годах Стефансон посвятил себя кабинетной исследовательской работе, писательской и лекторской деятельности. Правда, в 1923—1924 гг. он путешествовал по Австралии с целью сравнения полярных условий с экваториальными. Но срочные дела, связанные с арктическими работами, заставили его прервать путешествие и вернуться в США.

В 1922 г. вышла в свет его книга «Hunters of the Great North» («Охотники Крайнего Севера») для юношества. В ней удачно сочетались сокращенные варианты двух его книг «Моя жизнь с эскимосами» и «Гостеприимная Арктика». В 1929 г. советское издательство «Молодая Гвардия» выпустило перевод этой книги, однако сделанный с немецкого издания, озаглавленного «Jäger des hohen Nordens». В предисловии к ней А. Некрасов отмечал, что Вильялмур Стефансон «один из самых крупных и оригинальных исследователей северных полярных стран [...] замечателен не только своими географическими от-

крытиями, но и введенной им методикой исследования Арктики и оригинальным взглядом на экономическое значение Севера в ближайшем будущем человечества [...], что Стефансон удовлетворительно разрешил задачу методики путешествий по северному полярному океану [...] первый догадался применить во всей полноте выработанные веками методы северной жизни эскимосов [...] Его предсказания чрезвычайно скоро начали оправдываться на деле» [9].

Помимо «Охотников Крайнего Севера» Стефансон выпустил в 20-х годах еще четыре книжки, предназначенные в основном для молодежи: «Kak, the Copper Eskimo» («Кэк, медный эскимос», 1924), «The Shaman's revenge» («Мечь шамана», 1925), «Northward, Ho!» («Вперед, на Север!», 1925), «The Mountain of Jade» («Яшмовая гора», 1926).

Однако самым значительным произведением Вильялмура Стефансона в эти годы явилась книга «The Northward Course of Empire» («Продвижение на Север»). В 1933 г. в Хабаровском издательстве «Дальгиз» вышел ее перевод, озаглавленный «Новая страна на Севере». К сожалению, это был перевод не оригинала, а немецкого издания, «переработанного» д-ром Рюдигером. И все же в нашей стране по достоинству оценили значение этой работы американского исследователя (несмотря на 10 лет, отделяющие советское издание от американского). А. Скачко писал в своем предисловии, что «нынешний момент делает злободневной эту книгу известного полярного исследователя Вильялмура Стефансона, посвященную вопросу значения Арктики для заселения [...] она освещает вопрос, поставленный у нас в СССР в порядок дня [...] Стефансон чрезвычайно остро и выпукло доказывает пригодность Арктики для жизни и хозяйственного освоения [...] большой заслугой следует признать его острую постановку проблемы необходимости поддержать мясное питание человечества путем животноводства в Арктике, которая представляет из себя страну пастбищ [...] Советскому человеку может показаться, что Стефансон ломится в открытые двери, доказывая то, что нами давно ощущается как реальная действительность [...] Уже с двадцатых годов освоение Севера является для нас не мечтой, а практическим деловым вопросом, включенным в план великой стройки [...] Стефансон далек от марксизма, но в его бодрых,

жизнерадостных книгах явно выступает сомнение в творческой мощи капиталистического общества, в возможности для него разрешить огромную задачу освоения Арктики» [10].

«Продвижение на Север» как бы подытоживала и философски обобщала мысли Стефансона, изложенные в «Гостеприимной Арктике» и «Моя жизнь с эскимосами». Вместе с тем эта книга являлась призывом к освоению северных пространств, мудрым предвидением их большого будущего. Говоря о «высокой рентабельности северных земель», Стефансон в то же время подчеркивал первостепенное значение Арктики как «кратчайшего воздушного пути между Европой, Америкой и Азией». К моменту издания советского перевода эти его утверждения уже не казались ни парадоксальными, ни фантастическими — спустя каких-нибудь четыре года полеты Чкалова и Громова на деле доказали правильность стефансоновских предсказаний.

Стефансон обращался к истории далекого прошлого и отмечал интересный факт: зародившийся первоначально в тропиках «род людской» неизменно продвигался в северном направлении; это продвижение — сначала в средние, а затем в более высокие широты — способствовало развитию цивилизации и стимулировало человеческую изобретательность: чем дальше шел на Север человек, тем тяжелее становилось ему бороться за существование. Исполнок веков это географическое продвижение человека сдерживалось людскими предрассудками: вавилоняне и египтяне считали неосуществимым заселение северного побережья Средиземного моря, греки и римляне «верили в невозможность жизни по ту сторону Альп», испанские мавры признавали Британию непригодной для жилья. По мнению Стефансона, подобные предрассудки тормозили географические открытия и в его время, мешали переселению человека в новые, неосвоенные края. Правда, когда Вильялмур Стефансон писал «Продвижение на Север», в России уже осваивали арктические области. В годы Советской власти штурм Арктики принял поистине небывалые размеры. Однако в капиталистических странах мало что знали о советских арктических достижениях. И когда речь заходила о наших успехах в деле освоения Севера, то там придерживались устаревших «классических точек зрения».

Обращаясь к экономическому аспекту проблемы освоения Арктики, Стефансон писал: «Мы не достигли северного предела нашего экономического продвижения. Вспомним, что бывали задержки, но никогда не останавливалось продвижение на Запад, пока не наступил момент, когда оказалось, что человек достиг Востока [...] Нет и северного предела, дальше которого не может продвигаться человек, до тех пор пока юг не столкнется с Севером на полярном океане, так же как Запад некогда встретился с Востоком на Тихом океане [...] Со времен Магеллана стало общепризнанным, что можно отправиться на Восток путем плавания на Запад. В недалеком будущем таким же общепризнанным станет то, что можно попасть на Восток путем полета на Север» [11].

Стефансон специально посвятил этому вопросу две книги: «The Standartization of Error» («Стандартизация заблуждений», 1927) и «Adventures in Error» («Приключения в области заблуждений», 1936). Позднее, вспоминая о своей длившейся всю жизнь борьбе за торжество светлого разума, за прогресс науки, он писал: «В мире существует столько школ и институтов, в которых нас учат такому, чего и в помине нет. По-моему, следовало бы основать хотя бы один университет, где люди могли бы избавляться от псевдознаний... Мне удалось попасть в несколько таких полезных «школ», например, в Арктике [...] Размышляя о прошлом, я должен сказать, что самое глубокое впечатление всегда производили на меня те идеи и события, которые помогали мне избавиться от предвзятых взглядов и мнений...» [2].

В конце 30-х годов Стефансон опубликовал ряд историко-географических работ. По форме изложения их можно назвать популярными, однако все они основаны на строго научных данных. Эти произведения открыли еще одну творческую сторону Стефансона — его незаурядное мастерство историка.

В 1938 г. вышла в свет книга «The Three Voyages of Martin Frobisher» («Три плавания Мартина Фробिशера»). Стефансон рассказал в ней о трех попытках английских мореплавателей во времена королевы Елизаветы (в 1576—1577 гг.) отыскать Северо-Западный путь из Атлантического океана в Тихий.

Этот же год ознаменовался крупным успехом еще одной его новой книги «Unsolved Mysteries of the Arctic»

(«Неразгаданные тайны Арктики»). Впоследствии она выдержала шесть изданий, уступив лишь «Гостеприимной Арктике» (12 изданий). Стефансон подробно рассмотрел в «Неразгаданных тайнах Арктики» пять тогда еще необъяснимых случаев гибели полярных путешественников.

Главное место в книге занимает глава, посвященная экспедиции Джона Франклина (1845 г.), отправившейся на поиски Северо-Западного прохода. Считалось, что более ста участников этой экспедиции погибли от голода и цинги на территории, где на протяжении многих поколений благополучно проживали несколько сот эскимосов.

Но почему это произошло? Ведь команда Франклина состояла из молодых или среднего возраста людей, тщательно отобранных по признакам отличного здоровья и физической силы. Британцы были снабжены огнестрельным оружием куда более эффективным, чем лук и стрелы эскимосов (а ведь единственным средством существования последних являлась охота). Кроме того, британцы были оснащены всем необходимым для ловли рыбы и морского зверя.

Тщательно разбирая все данные, собранные поисковыми экспедициями, продолжавшимися несколько лет (за это время была осмотрена большая территория, на которой обнаружили следы разделившихся на несколько партий франклиновцев), Стефансон пришел к заключению: в гибели англичан в сущности повинны классовые предрассудки. «Команды «Эребуса» и «Террора», — писал он, — пали жертвами хороших манер, навыков, социальных точек зрения и медицинских взглядов своего времени [...] главной причиной заболеваний цингой было неумение приспособиться к местным условиям, а это неумение истекало из господствующей в их стране психологической установки, из особенностей и предрассудков социального класса офицеров-руководителей [...] Для них цель полярных экспедиций состояла в исследовании по всем принятым правилам и в том, чтобы не уклоняться от опасности путем постыдного приятия образа жизни туземцев, что явилось бы дурным тоном для джентльменов» [12].

Как явствовало из найденных дневников, первыми заболевали и умирали матросы. Не объясняется ли это тем, спрашивал ученый, что дисциплина требовала от рядовых

членов экипажей выполнения более тяжелых работ? Естественно, матросам приходилось тащить и самые тяжелые грузы. В описаниях британских арктических экспедиций нередко можно встретить сообщение о том, что матросы везут не только сани, нагруженные припасами, но и сани с начальниками-офицерами. Позднее, вспоминая о своих встречах с высшими авторитетами полярной науки в Лондоне, Стефансон комментировал: «В аристократическом Королевском географическом обществе полярные путешествия считались благородным спортом, являющимся монополией высшего дворянства...» [2]

В истории гибели экспедиции Франклина Стефансон видел подтверждение своей теории о необходимости учиться у эскимосов, перенимать их образ жизни. Ученый вспоминал неизменно вызывавшее в нем восхищение «Повествование» о четырех русских моряках, проживших шесть лет на Груманте в 40-х годах XVIII в.

В добавлении к предисловию «Неразгаданных тайн Арктики» Стефансон счел небезынтересным процитировать заметку некоего Джорджа Симпсона, участника первой экспедиции Франклина, написанную в момент ее снаряжения. Заметка была опубликована в Лондоне среди документов архива «Компании Гудзонова залива» перед самым выходом в свет книги Стефансона. Симпсон писал: «Командующий экспедицией лейтенант Франклин не обладает физической силой, необходимой для проведения даже не особенно трудного похода. Ведь ему требуется три раза в день в положенное время сесть за стол; ему необходимо традиционное английское чаепитие посреди дня; при наибольшем напряжении он не способен пройти пешком более восьми миль за один день [...] поэтому, если этих джентльменов постигнет неудача, это вовсе не будет означать, что трудности были непреодолимыми...» [12].

Эти слова поразительно созвучны высказыванию Стефансона о сэре Джоне Франклине: «По критериям своего времени Джон Франклин был благородным, великодушным, справедливым и отважным. Однако по любым критериям он несомненно был самым некомпетентным в своей профессии человеком, отвоевавшим себе прочное место в истории» [13].

Одна из глав книги Стефансона посвящена гибели С. Леваневского. Автор отзывался о нем, как о самом блестящем арктическом летчике, спасшем в 1933 г. американ-

ского пилота Джимми Маттерна. Леваневский был знаком американцам и по перелету Лос-Анджелес — Москва, который совершил вместе с Виктором Левченко в 1936 г. Разбирая все известные ему подробности полета Леваневского, ученый отмечал, что советские летчики располагали опытом и знаниями, которые в часах и милях намного превышали опыт и знания, приобретенные в арктических и антарктических полетах всеми зарубежными летчиками. Стефансон останавливался на подробностях полетов Хьюберта Уилкинса, занимавшегося поисками Леваневского, упоминал и о поисках, которые вели американские и канадские летчики во время полетов вдоль берегов Канады и Аляски, а также в горном районе между Фэрбенксом и северным побережьем.

Сравнивая поиски Леваневского с поисками экспедиции Франклина, Стефансон писал, что возникшее в обоих случаях дружественное сотрудничество нескольких стран несомненно способствовало взаимопониманию и сближению между ними. Он указывал на громадное значение для будущего Арктики и прилегающих к ней районов установившегося во время поисков контакта между службами погоды СССР, США и Канады. Стефансон даже привел заявление главы метеорологической службы США В. Р. Грэгга о том, что к началу 1938 г. значительно возросла точность прогнозов, что пошло на пользу в первую очередь населению Аляски, западных штатов США.

В одной из глав «Неразгаданных тайн Арктики» Стефансон остановился на истории исчезновения средневековой норвежской колонии в Гренландии. Более подробно этот вопрос ученый осветил спустя несколько лет в своем пространном труде о Гренландии.

Как уже говорилось, Стефансон проявлял большой интерес к истории родины своих предков. Студентом ему удалось побывать там и провести свои первые антропологические изыскания. В своих трудах ученый часто возвращался к теме Исландии. Так, в 1929 г. в журнале «Форейн Афферс» он опубликовал статью «Icelandic Independence» («Исландская независимость»), в которой рассказывал о растущем в стране движении за полную независимость от Дании. В 1939 г. вышла его книга «Iceland — The First American Republic» («Исландия — первая американская республика»). Ученый нарисовал в ней картину жизни Исландии и ее народа, обратив особое внимание на ее

историческую, географическую, культурную и экономическую стороны. Стефансон, как и все исландцы, гордился тем, что его Родина — самая первая республика и самая старая демократия Нового Света, в 1930 г. отпраздновавшая свое тысячелетие.

В 1940 г. Стефансон издал книгу — «Ultima Thule — Further Mysteries of the Arctic» («Ультима Туле — еще о неразгаданных тайнах Арктики»). В ней разбираются два вопроса: посетил ли Пифий «Ультима Туле»*, т. е. Исландию, в IV в. до н. э., а также побывал ли на этой земле знаменитый Христофор Колумб? Стефансон тщательно исследовал все источники, начиная с древнейших, — рукописи, карты и документы, хранящиеся в архивах и библиотеках многих европейских стран. В его книге можно встретить многочисленные цитаты из трудов древнегреческих, римских ученых и философов, из средневековых латинских летописей, из обширной литературы, родившейся в результате споров сторонников и противников Пифия и Колумба. «Ультима Туле» имела громадный успех и подряд выдержала несколько изданий.

Начавшаяся вторая мировая война приковала внимание правительства США к их форпостам в Атлантике — Исландии и Гренландии. Последняя в силу своей стратегической позиции оказалась под особой защитой Соединенных Штатов.

В 1942 г. Стефансон опубликовал новую книгу, назвав ее «Greenland» («Гренландия»). Опираясь на точные археологические данные, Стефансон воссоздал на страницах книги картины древней истории Гренландии. Больше того, автор мастерски обрисовал этапы колонизации этой страны в средние века, подробно исследовал все версии о таинственном исчезновении с ее территории норвежской колонии в XV в., остановился на истории прекращения сношений Гренландии с европейскими странами. В последних главах книги Стефансон обратился к современной Гренландии. Он рассказал об ее истории, экономике, культуре, указав на политическое и стратегическое значение этой страны в связи со второй мировой войной.

* Греч. Θούλη. Впервые это название, обозначающее сказочный остров, являющийся крайней северной точкой Земли, встречается у Полибия (II в. до н. э.). В средние века так называли Исландию.

Вспоминая о своем последнем посещении Гренландии в 1953 г., Стефансон отмечал, что «проникся глубоким уважением к Дании и ее народу. Это единственная страна, которой могут гордиться европейцы в силу того, как она обращается с туземцами Северной Америки [...] Датчане никогда не старались *одагчаниить* эскимосов, подобно тому как мы пытаемся их *американизировать* на Аляске или *оканадить* в Северной Канаде [...] До недавнего времени в Канаде рекомендовалось просто-напросто уничтожать эскимосский язык и заменять его английским, на котором следует эскимосов научить и говорить, и мыслить». Между тем, указывал Стефансон, ученые-лингвисты свидетельствуют, что эскимосский язык очень богат и по своей точности и выразительности не уступает европейским языкам, а скорее их превосходит. Ученый с горечью констатировал, что «с тех пор, как просвещением эскимосов занимаются правительства, а не индивидуальные миссионеры-ревнители, эскимосы стали такими же неграмотными, как пришельцы из Соединенных Штатов, Канады или Англии» [2].

В 40-х годах Стефансон участвовал в коллективном труде «Compass of the World» («Компас мира»). Эта интересная работа была опубликована в 1944 г. В 1949 г. вышло ее новое, дополненное издание. На этот раз оно называлось «New Compass of the World — a Symposium on Political Geography» («Новый компас мира — симпозиум политической географии») под редакцией В. Стефансона, Г. В. Вейгерта и Ричарда Харрисона. Этот сборник содержал 23 статьи, принадлежавшие перу 19 авторов. В предисловии к изданию 1949 г. Стефансон и Вейгерт подчеркивали, что сборник должен помочь читателю осознать тот факт, что «стратегия, направленная на достижение мира во всем мире, должна быть основана на географии», и что «для обеспечения мира ООН должна стать мощной реальностью в самом ближайшем будущем» [14].

Стефансон написал для сборника статью, в которой осветил вопрос заселения северных территорий в Америке и в Советском Союзе. При этом ученый, следуя своему обычному приему, сравнивал черепаший шаг, наблюдаемые в этой области в Америке, с мощным размахом и быстрым темпом освоения Севера в СССР.

В 1947 г. вышли в свет «Great Adventures and Explo-

rations from the Earliest Times to the Present, as told by the explorers themselves» («Великие приключения и открытия от древнейших времен до наших дней, рассказанные самими путешественниками») под редакцией Стефансона. Он же написал предисловие и комментарии к этой интересной историко-географической работе. В ней оказались собранными все материалы, посвященные этой теме, с незапамятных времен попавшие в архивы некоторых западных стран. Документы, помещенные в работе, представляют огромный интерес для историков науки. Книга знакомила читателей даже с толкованием легенд древних народов об их плаваниях по морям и океанам, например, легенды туземцев тихоокеанских островов о плаваниях на Восток до берегов Америки и на Запад до берегов Азии...

В 1958 г. вышла в свет еще одна книга Стефансона «Northwest to Fortune» («На Северо-Запад к удаче»). Это было его последнее произведение. В нем освещалась история поисков западным миром торгового экономически выгодного пути из Европы на Дальний Восток через Север.

«Я выражаю свое восхищение...»

С достижениями русских полярников Стефансон впервые познакомился только в 20-х годах. О своих первых контактах с советскими исследователями Арктики он подробно писал в добавлении к 11-му изданию «Гостеприимной Арктики» («Гостеприимная Арктика спустя 21 год»), вышедшему в 1943 г. Как уже отмечалось, это дополнение не вошло во второе советское издание книги Стефансона, выпущенное Географизмом в 1948 г.

Стефансон чистосердечно признавался в том, что он и другие западные географы и полярные исследователи намного отстали от советских полярников.

«В 20-х годах, когда началась советская работа над проблемой Северного морского пути, Советское правительство отправило крупным западным географам и поляр-

ным исследователям, в том числе и мне, опросные листы. Основывая свой ответ на достаточном, как мне казалось, знании арктических условий, я изложил свою точку зрения, а именно: что грузовым судам удастся совершать переходы из Атлантики в Тихий океан не чаще, как один раз в три года, в лучшем случае два раза в три года. Весьма вероятно, что и другие опрошенные лица дали такой же ответ, по крайней мере я не слышал ни об одном ином ответе.

Дело было в том, что мы, т. е. западные полярники, имели в виду ледоколы и те возможности навигации, которые были нам знакомы из нашего опыта, и еще не осознали (чего уже достигли советские ученые) влияния самолета и радиосвязи на эту проблему. Когда же в конце 20-х и начале 30-х годов под влиянием все новых и новых успехов Главсевморпути наши глаза стали постепенно открываться, наша точка зрения стала изменяться в сторону оптимизма.

Успехи, достигнутые советскими штурманами в использовании самолета и радиосвязи, не только означают установление кратчайшего морского пути между Атлантикой и Тихим океаном вдоль берегов Азии, но также предвещают установление еще более короткого морского пути между Тихим и Атлантическим океанами в обход Северной Канады» [6].

Свершилось то, о чем мечтал и что предвидел Стефансон. Однако ученый, конечно, не ожидал, что его мечты сбудутся так скоро. Поэтому не удивительно восхищение Стефансона советскими достижениями: «По целому ряду соображений создание Северного морского пути в качестве торговой и военной морской магистрали не только представляет из себя самый крупный шаг вперед в полярном деле с 1921 года, но является одним из самых великих достижений во всей истории Арктики [...] За двадцать один год, истекшие со времени первого издания «Гостеприимной Арктики», Советское правительство и народ совершили в области полярных исследований и открытия новых путей куда больше того, что сделали все другие страны мира в Арктике и Антарктике [...]

Если бы мы применили советские принципы установки метеорологических станций по всем островам канадской Арктики, мы смогли бы создать более короткий водный путь из Атлантического океана в Тихий так же

успешно, как Советы создали свой Северный путь, который и более длинный, и более трудный, чем наш» [6].

Давая высокую оценку полярным работам «папанинской четверки» на дрейфующей станции «СП-1», Стефансон отмечал их громадное значение для развития мировой науки. (В 1940 г. он даже предлагал правительству США создать аналогичную дрейфующую станцию, но, как известно, она появилась лишь в 1950 г.) Стефансона радует, что, живя и работая в арктических условиях, папанинцы, в частности, подтвердили теорию наличия жизни в Ледовитом океане. По словам Стефансона, «убеждение в том, что Ледовитый океан лишен жизни, настолько укоренилось в умах, что многие сочли мою книгу сплошным вымыслом [...], а те, кто не имел возможности оспаривать мои утверждения, высказывали предположение, что если б мы продвинулись на Север, мы переступили бы рубеж животной жизни. Но ведь не продвигаясь севернее Северного полюса. Находясь на стыке мира, папанинская экспедиция нанесла смертельный удар древнему догмату средиземноморской философии, гласившей, что существует северный рубеж, дальше коего не переступает ни животная жизнь, ни растительность» [6].

Назойливому журналисту, упорно требовавшему от Стефансона объяснения по поводу спора о наличии или отсутствии жизни в высоких широтах, ученый ответил: «Я рассмотрел все аргументы, поддерживающие точку зрения, что полярный океан лишен жизни, и я пришел к убеждению, что эти аргументы способны убедить философа, но никак не рыбу или моржа» [2].

Стефансон внимательно следил за достижениями СССР в Арктике. В 30-х годах он вел деятельную переписку с советскими учеными и полярниками О. Ю. Шмидтом, В. Ю. Визе, И. Д. Папаниным, ученым секретарем Арктического института В. К. Есиновым, капитаном К. С. Бадиным.

Стефансон восхищался дрейфом «Седова», назвав его «блестящим достижением». Об этом ученый говорил в статье «Значение дрейфа Седова для мировой науки», напечатанной в «Правде», а затем в журнале «Проблемы Арктики». Он писал, что его «радостно волновало» сообщение о завершении одной из самых замечательных полярных эпопей».

«Славный дрейф «Седова», — подчеркивал ученый, — можно сравнить лишь с дрейфом Нансена на «Фраме» [...] в 1922—1925 гг. на судне «Мод» Амундсен тщетно пытался предпринять то, что удалось только «Седову» [...] Даже если советские люди попадают поневоле в длительный дрейф, они умеют использовать свой энтузиазм, свою преданность науке в интересах человеческого прогресса [...] Я с нетерпением ожидаю опубликования научных результатов выдающейся борьбы и работы седовцев [...]

Я заявляю, что будущие историки поставят дрейф «Седова» в один ряд с нансеновской экспедицией на «Фраме», уже занявшей свое прочное место во всемирных исследованиях [...] Славные седовцы имеют то неоспоримое преимущество, что дрейфовали значительно севернее и что люди советского ледокола, проводившие научную работу, были воодушевлены и руководимы широким и наиболее современным мировоззрением» [15].

В начале 40-х годов Стефансон получил от капитана К. С. Бадигина подарок, который он высоко ценил, и всегда с особой гордостью и с удовольствием показывал друзьям и посетителям, — резную шкатулку, содержащую фотоснимки отдельных эпизодов дрейфа «Седова».

Стремясь положить начало сотрудничеству между СССР и Канадой в деле исследования и освоения Арктики, Стефансон направил 18 августа 1933 г. письмо правительственному Комиссару по делам северных земель Канады. Ученый указывал, что Арктический институт СССР занимается самым интенсивным и серьезным изучением ресурсов Севера, и, ратуя за обмен научной информацией между Канадой и СССР, просил канадское министерство отправить в Арктический институт СССР документацию о разведении оленей и мускусного быка. Стефансон считал эти породы основным источником мяса и шерсти, необходимых будущим поселенцам Севера. И не удивительно, что к своему письму к В. К. Есипову от 14 августа 1933 г. он прилагал отпечаток статьи «Experiments in Reestablishment of Musk-Oxen in Alaska» («Опыт разведения мускусного быка на Аляске»), опубликованной в американском «Журнале о млекопитающих».

14 февраля 1934 г. американские газеты сообщили о гибели «Челюскина». 28 февраля Стефансон встретился

в Нью-Йорке с Г. А. Ушаковым, М. Т. Слепневым и С. А. Леваневским, которые прибыли для покупки самолетов. Являясь в то время советником по арктическим вопросам при авиационной компании «Пан-Америкен», Стефансон оказал посланцам Советской страны большую помощь в их деле.

В последующие недели Стефансон внимательно следил за ходом операции по спасению челюскинцев. Ученый направил советскому послу в Вашингтоне поздравительную телеграмму, в которой выразил восхищение великолепной организацией спасательных работ. 23 мая Стефансон выступил с речью на банкете в честь прибывших в Нью-Йорк О. Ю. Шмидта и Г. А. Ушакова. Он был организован правлениями Клуба исследователей, Американского музея естественной истории и Русско-американского института культурных связей с СССР.

От всего сердца радовался Стефансон подвигу Чкалова, Байдукова и Белякова, осуществивших первый в мировой истории трансполярный перелет Москва — Северный полюс — Америка. На торжественном банкете, устроенном в честь отважных советских летчиков Клубом исследователей, ученый обратился к ним со словами теплового приветствия. Газета «Известия» писала по этому поводу: «Председатель Клуба Вильям Мур Стефансон, председательствующий на банкете, приветствовал летчиков и восхвалял поддержку и поощрение, которые оказывает Советский Союз делу исследования Северного полюса» [16]. А еще через несколько дней под заголовком «Заявление Стефансона» «Известия» сообщали: «Председатель Клуба исследователей отправил следующую телеграмму Громову, Юмашеву и Данилину: «От имени Клуба исследователей поздравляю с великолепным достижением» [17].

Беседуя в те дни с корреспондентом ТАСС, Стефансон заявил: «Достижение советских летчиков наполняет радостью всех исследователей. Рекорд полета на дальность имеет второстепенное значение по сравнению с той точностью, с которой был повторен перелет. Эта точность свидетельствует об изумительном искусстве летчиков, о замечательной организации перелета и о великолепной конструкции советских самолетов». При этом ученый указывал на громадное значение в истории авиации того обстоятельства, что мировой рекорд Громова

был поставлен «в силу полного использования шарообразности земли»: путем полета «не вдоль параллели, не по так называемому большому кругу, а вдоль меридиана — до самого полюса, а затем прямо на юг по меридиану к месту назначения» [17].

12 августа «Известия» напечатали переданную из Нью-Йорка статью журналистки Женевьевы Таггард о банкете, устроенном Клубом исследователей и Американским географическим обществом в честь трансарктического перелета М. М. Громова, А. Б. Юмашева и С. Д. Данилина. На банкете вновь выступил Стефансон, заявив, «что советские полеты должны создать переворот в мышлении всего человечества». 23 августа в «Известиях» появилась его статья «Заслуга героев». Выдающийся полярный исследователь вновь писал о постепенном продвижении человека на Север, невзирая на «тормозящие предубеждения средиземноморских народов», о стремлении проложить Северный морской путь и т. д. «... Английские моряки времен королевы Елизаветы, — подчеркивал Стефансон, — были великими пионерами в поисках кратчайшего пути между полушариями. Сегодня мы признаем, что это первенство неоспоримо перешло к Советскому Союзу, который для установления кратчайшего пути между полушариями блестяще использовал воздушные пространства Арктики. Мы отмечаем полет Громова, Юмашева и Данилина не только как историческое рекордное достижение, но и как важнейший решающий этап исследовательской работы, осуществляемой Советским государством через Главсевморпуть под руководством Отто Юльевича Шмидта. Три героя — Громов, Юмашев и Данилин — осуществили мечту, веками владевшую умами человечества: вместе с Чкаловым, Байдуковым и Беляковым они проложили великую трансарктическую трассу. На памятнике, который воздвигнет им человечество, должны быть высечены слова: «До них земля по своим путям сообщения казалась цилиндрической. Они воистину превратили ее в шар» [18].

В июльском выпуске американского прогрессивного ежемесячника «Совет Рашиа тудей» за 1937 г. была опубликована интересная статья Вильялмура Стефансона «A Prophecy fulfilled» («Осуществленное пророчество»). Сообщая американским читателям о советских полярных достижениях, Стефансон снова и снова восхищался рабо-

той папанинцев, подтвердивших на практике его теорию «жизни в Арктике». В журнале была напечатана фотография, изображающая председателя Клуба исследователей Стефансона в момент вручения советскому послу А. А. Трояновскому диплома о присуждении Отто Юльевичу Шмидту звания почетного члена Клуба исследователей. В своей речи по этому поводу Стефансон сказал: «О. Ю. Шмидт смог заручиться полной поддержкой страны Старого Света, а мне это не удалось в Новом Свете [...] поэтому я выражаю свое восхищение им и его страной...» [19].

Вспоминая о встречах на американской земле после окончания своего трансарктического перелета, В. П. Чкалов писал: «К нашему приезду в Нью-Йорк была создана специальная комиссия по встрече, куда вошел известный арктический исследователь В. Стефансон. Он председательствовал на банкете, устроенном Клубом исследователей [...] Он проявил поразительные знания американской и советской Арктики [...] Стефансон полон надежд на окончательное завоевание Арктики, на превращение ее в путь сообщения между США и СССР. Мы подарили Стефансону карту, по которой летели через полюс в Америку [...] В своей речи Стефансон говорил с восхищением о работах Советского Союза по исследованию Северного полюса...» [20].

Необходимо отметить, что трансарктические полеты наших летчиков сыграли немалую роль в развитии советско-американских отношений. По словам советника посольства СССР в Соединенных Штатах К. Уманского, успехи полярной советской авиации произвели «прекрасный эффект в прессе [...] приемы, банкеты, встречи, проводы чкаловской и громовской троек отражали большое впечатление, произведенное перелетами [...] Рузвельт принял громовцев прекрасно, подчеркнуто непринужденно [...] политический эффект перелетов неоценимо хорош и был чувствительным ударом по антисоветской клевете...» [21].

В конце лета 1937 г. в печати стали часто появляться сообщения об арктических полетах сэра Хьюберта Уилкинса, целью которых были поиски пропавшего без вести Сигизмунда Леваневского. Позднее Стефансон вспоминал, что 13 августа, в то время как он внимательно следил за сообщениями о судьбе советского летчика, ему

позвонил из Вашингтона К. А. Уманский. Советский дипломат обращался к нему как президенту Клуба исследователей с просьбой взять на себя координацию поисков Леваневского с американской стороны. Стефансон сразу же начал переговоры с Хьюбертом Уилкинсом, по его мнению, самым компетентным летчиком Запада, овладевшим техникой арктических полетов.

Пожалуй, это все, что сам Стефансон писал о своем участии в организации поисков. Но мы знаем, насколько велика была его роль в этом гуманном деле, как страстно и вдохновенно включился в него ученый, заражая своим энтузиазмом всех, кто находился рядом с ним в эти дни. Об этом свидетельствует и переписка О. Ю. Шмидта с К. А. Уманским, относящаяся ко времени поисков Леваневского. Так, 22 августа Уманский телеграфировал: «Уилкинс уже пустился в разведку». В письме, отправленном в эти же дни, он подчеркивал: «Неоценимую помощь оказал нам наш старый приятель д-р Вильялмур Стефансон [...] пригодились и его знания и связи [...] ему принадлежит инициатива экспедиции Уилкинса, который, как и Стефансон, бескорыстно себя этому делу отдает как из чувства полярной солидарности, так и в связи со своим дружественным отношением к СССР...» [21]. В другой телеграмме он просил О. Ю. Шмидта привлечь к поискам внимание прессы и лично обратиться к Стефансону, вновь отмечая его «энергичную помощь в организации экспедиции Уилкинса». При этом Уманский добавлял: «Он мне во многом помогает».

27 августа Шмидт телеграфировал Уманскому: «Прошу передать мои сердечные поздравления Хьюберту Уилкинсу по случаю его двух замечательных полетов в неисследованную часть Арктики. Прошу также передать Вильялмуру Стефансону сердечный привет от советских полярников, высоко ценящих его опыт и помощь в деле организации поисков Леваневского. Шмидт» [21].

В своих сообщениях Уманский неоднократно упоминал о всеобщей озабоченности граждан США судьбой Леваневского, желании помочь. При этом он неизменно указывал на «продуманную и энергичную работу Уилкинса» и на то, что он «проявляет несравненно большую активность». Не следует забывать, что Уилкинс всегда оставался верным учеником и последователем Стефансона.

В обстоятельном и подробном письменном докладе,

отправленном 28 сентября 1937 г. О. Ю. Шмидту и в Наркоминдел, Уманский писал: «Необходимо отметить исключительно активную роль во всех розысках с американской стороны, с первого дня и поныне, Стефансона, который посвящает себя этому делу почти целиком, использует свои богатейшие связи с авиационными, научными и другими кругами [...] он замечательно мне во всем помогает. Стефансон работает для нас, конечно, не из-за денег. Он настоящий ученый, в лучшем смысле слова. Политически он нам близок и выступал за СССР убежденно и не раз в прошлые годы [...] Его арктическому энтузиазму нет границ...» [21].

В другом докладе, датированном 13 декабря, Уманский подчеркивал: «Стефансон неизменно поглощен поисками [...] он обескуражен сообщениями печати, будто Водошнянов заявил о безнадежности дальнейших поисков [...] Стефансон даже сомневается в подлинности этого заявления [...] Не согласовав с нами, Стефансон проинспирировал прилагаемую статью «Нью-Йорк таймс» от 12 декабря [...] он явно перегибает в оптимистическом направлении...» [21]. В прилагаемой статье указывалось, что «упорное продолжение Уилкинсом поисков вполне оправдано историей полярных исследований...» Перечисляя ряд исторических фактов и вытекающих из них соображений ученых, автор статьи приходил к заключению: «поиски следует продолжать целый год, т. е. вплоть до наступления сезона туманов» [22].

Уманский неоднократно повторял, что «Стефансон уделяет экспедиции Уилкинса все свое время», подчеркивая «действительно бескорыстные и преданные услуги Стефансона и Уилкинса». Отзываясь о Стефансоне как о «полезнейшем и действительно дружественном нам старике», Уманский упоминает о «его законных претензиях» к О. Ю. Шмидту. Речь идет о просьбе Стефансона прислать Клубу исследователей фотографию Шмидта с автографом и его статью для журнала клуба.

Сам Стефансон позднее вспоминал, что организация поисков Леваневского явилась для него самым достопримечательным событием тех лет, когда он состоял президентом Клуба исследователей и советником при американской компании «Пан-Америкэн айруэйс».

В 1938 г. в книге «Our Search for Levanevsky» («Наши поиски Леваневского») Уилкинс отмечал, что план

поисковой операции был разработан за двое суток. Американские поисковые самолеты только за один месяц (с 22 августа по 21 сентября) налетали 10 тыс. миль. Всего они пролетели 45 тыс. миль, тщательно обследовав площадь, равную почти 171 тыс. кв. миль.

В майском выпуске (1938 г.) прогрессивного американского журнала «Совет Рашиа тудей» сообщалось о многолюдном митинге, состоявшемся в Нью-Йорке. На митинге выступали посол СССР А. А. Трояновский, Вильямур Стефансон и известный американский писатель Эдтон Синклер. В своей речи Стефансон с восхищением упоминал о бесперебойно действующих 57 советских арктических станциях, ведущих большую научную работу, подчеркивая, что любое открытие в арктических исследованиях, имеющих экономическое значение, немедленно подлежит дальнейшему развитию. Ученый прямо заявил: «Является грубой недооценкой, когда географы говорят, что Советский Союз делает больше, чем весь остальной мир в области полярных исследований. Он делает гораздо больше [...] Его подход и достижения создают сочетание столь новое, изумительное и действенное, что в поисках исторического сравнения вспоминается о том уникальном моменте пятьсот лет тому назад, когда за каких-нибудь полвека мореплаватели Португалии под водительством Генриха Мореплавателя буквально удвоили размеры известного в то время европейцам мира и до основания преобразили мировоззрение Европы...» [23].

В 1938 г., выступая за плодотворное сотрудничество с СССР в вопросах изучения Арктики, Стефансон в письме от 3 августа сообщал О. Ю. Шмидту, что под эгидой Клуба исследователей американцы приступили к компиляции «Bibliography of Exploration» («Библиография географических исследований»). Ученый посылал Шмидту первый выпуск «Selected List of Bibliographies on Polar Regions» («Отборного списка библиографий полярных областей») и просил его высказать мнение об этой публикации и сообщить свои соображения и советы.

В связи с открытием в Нью-Йорке Всемирной выставки 1939 года журнал «Совет Рашиа тудей» поместил в июльско-августовском выпуске статью Стефансона «Гостеприимная Советская Арктика». Ученый вновь писал о выдающихся достижениях советских полярников. Говоря о посещении советского павильона, он отмечал

«громадный вклад Советского Союза в цивилизацию». «Весьма поучителен для Соединенных Штатов и Канады тот факт,— замечал Стефансон,— что на Всемирной выставке мы ощущаем присутствие того духа, который, по-видимому, покинул то, что мы называем Новым Светом, но он могуч в старой стране Старого Света, возродившей свою молодость,— в Советском Союзе [...] Центральная идея, вдохновляющая советский павильон, это идея дружбы народов» [24].

В годы второй мировой войны

С начала 30-х годов Стефансон стал известен не только как ученый, но и как видный общественный деятель, как человек передовых взглядов, всегда готовый поддерживать любое антифашистское начинание. В это время он активно сотрудничал в Национальном комитете американо-советской дружбы и в Комитете помощи испанским беженцам, члены которого, как известно, подверглись жестоким преследованиям в период «холодной войны». Во время советско-финляндской войны Стефансон неоднократно выступал на публичных собраниях, разоблачая ложь, распространяемую газетами об этой войне и о Советском Союзе.

Активное участие Стефансон принимал и в работе организаций, оказывающих возможную поддержку Советскому Союзу, отражавшему натиск гитлеровских полчищ. Он являлся членом организации «Рашен уор рилиф» и Американо-русского комитета медицинской помощи СССР, часто выступал на многочисленных митингах Национального комитета американо-советской дружбы и др. При этом Стефансон неизменно ратовал за советско-американское сближение. Он снова и снова выражал свое восхищение достижениями Советского Союза, в особенности в той области, которая была ему лучше всего знакома,— в освоении Арктики, неустанно призывая американцев перенимать опыт советских специалистов. В первые тяжелые для нашей страны месяцы войны он энер-

гично опровергал мнение американских реакционеров, пророчествовавших неминуемое и скорое поражение Советского Союза.

Еще в 20-х годах, впервые знакомясь с достижениями России в области арктических исследований, Стефансон заинтересовался мерзлотоведением. Ученый вспомнил, что в своих экспедициях, занимаясь археологическими раскопками на полярном побережье, он неоднократно наткнулся на слои мерзлого грунта.

Углубившись в изучение основ мерзлотоведения, Стефансон сразу же указал, что США, которым предстоит освоить Аляску, необходимо изучать эту науку, причем учиться на опыте советских мерзлотоведов. Но в то время никто даже не обратил внимания на советы ученого. О них вспомнили лишь тогда, когда США вступили во вторую мировую войну: строившиеся американской армией на Аляске здания, дороги, аэропорты и взлетные площадки неожиданно оседали и проваливались. Официальный Вашингтон обратился за помощью к Стефансону как к единственному ученому, компетентному в этом вопросе. Позднее Стефансон вспоминал: «До 1940 года за пределами России почти ничего не знали о вечной мерзлоте и ее свойствах, а между тем всякому, кому предстояло строить бараки, дороги и аэропорты на далеком Севере, необходимо было научиться тому, что знали те, кто был давно знаком с этим явлением и его особенностями...» [2].

Во время войны Стефансон был назначен советником правительства США по полярным вопросам. Президент Рузвельт высоко ценил его знания и практические советы.

В те времена американцы, за исключением ученых-специалистов и небольшого круга любителей знаний, были мало информированы относительно всего, что касалось полярных районов, причем не только советских, но и американских, т. е. Аляски и канадской Арктики. Стефансону все приходилось делать самому. На основе собственного опыта и советских источников ученый составлял инструкции для американских полярников, для инженеров-конструкторов, сражающихся с вечной мерзлотой на Аляске, для моряков, сотрудничающих с советским флотом в Беринговом море, для военных летчиков, впервые летающих в высоких широтах, где необходимо знакомство с особыми магнитными условиями и техникой посад-

В. Стефансон учит солдат строить снежный дом. Колорадо, 1943 г.

ки на лед и др. К Стефансону обращались за советом представители правительственных департаментов, армии и флота, военно-воздушных сил, а также военные инженеры, решившие заняться мерзлотоведением. Его часто приглашали на совещания, проходившие на Аляске. В горах Колорадо в военных лагерях на высоте 3,5 тыс. м он учил солдат строить снежные дома, собственноручно вырезая снежные кирпичи и складывая их в прочные жилища, подобные тем, в которых он некогда сам жил с эскимосами.

Практические советы по работе в Арктике Стефансон изложил в «Книжке полярника», занявшей заслуженное место в классической полярной литературе. В предисловии Стефансон вновь писал о своей заветной мечте — сотрудничестве США и СССР в Арктике. Вспоминая о совместной работе американских и советских летчиков при поисках американца Ейльсона, пропавшего без вести во время перелета из Аляски в Сибирь в 1929 г., ученый писал: «...Это произошло в связи с печальным событием, но дружественное сотрудничество американских, канадских и советских летчиков, развернувшееся во мраке арктической зимы в гуманном деле спасения, ознаменовало начало сближения, которое развивалось на основе взаимного уважения и сердечности, объединяя воздушных пионеров наших трех стран. Это первое товарищеское сотрудни-

чество послужило началом дружбы, которая явилась изумительным фактом и важнейшим фактором в нынешней войне» [25].

В эти же годы группа сотрудников работала под руководством Стефансона над составлением лоций северных морей. В основу их работы были положены материалы не только на английском, но и на русском, исландском и скандинавских языках. К этому времени относится его инициатива создания «Арктической библиографии», послужившей ценнейшим пособием для молодых ученых, специализирующихся на Арктике.

В своих многочисленных журнальных статьях тех лет Стефансон настаивал на необходимости более тесного сотрудничества между тремя великими державами, соприкасающимися в Арктике, — США, Канадой и Советским Союзом. В июле 1944 г. в статье «Arctic link» («Арктическое звено») он писал: «Ради собственной выгоды Канаде следует стремиться к сближению с Советским Союзом [...] это диктуется самой географией. В ближайшем будущем лозунгом международного воздушного транспорта станет «Во все направления через Север!» Этот лозунг важнее всего для Канады и СССР. Воздушные пути приобретут решающее значение [...] Ни у США, ни у Канады нет программы развития Арктики [...] У Советского Союза есть пятилетки, и он уже установил научные полярные станции, ввел в действие разведывательные самолеты...» [26]. Стефансон указывал на кипучую советскую работу в деле изучения Арктики и полное отсутствие таковой со стороны Канады и США. Он утверждал, что будущее этих стран будет во многом зависеть от их способности освоить «северо-американскую сторону полярного Средиземноморья так же, как СССР освоил и развил свою сторону».

Высоко оценил заслуги Стефансона перед наукой и особенно в деле развития арктических исследований И. Д. Папанин. В телеграмме, отправленной Стефансону в день его шестидесятилетия 3 ноября 1944 г., замечательный советский полярник писал:

«Вильялмуру Стефансону, Нью-Йорк.

Дорогой друг!

Вся армия полярных работников сердечно поздравляет Вас по случаю Вашего шестьдесят пятого дня рождения.

Ваш вклад в науку как выдающегося ученого и полярного исследователя высоко ценится в Советском Союзе. Примите мои сердечные поздравления и лучшие пожелания доброго здоровья и многих лет жизни и плодотворной работы на благо науки.

Иван Папанин» [27].

«Арктическая энциклопедия» и «Полярная библиотека»

Стефансон давно уже вынашивал мечту о создании «Арктической энциклопедии». Однако эта грандиозная работа началась лишь в 1946 г., когда ему как крупнейшему авторитету по вопросам Севера была предоставлена правительственная субсидия. «Энциклопедия» планировалась как многотомный (вероятно, 20 томов) научный труд. Вместе с тем ученый хотел придать ей характер популярно-просветительного издания.

Для работы над проектом «Энциклопедии» Стефансон собрал большой штат постоянных сотрудников, служащих и технических работников. Помимо этого он привлек к участию в издании научные организации многих зарубежных стран, пригласив сотрудничать специалистов различных областей знаний: географов, историков, антропологов, этнографов, археологов, зоологов, ботаников, метеорологов, океанографов, гляциологов и т. д. Теоретически в составлении «Энциклопедии» должны были при поддержке своих правительств принять участие научные организации стран, располагающих арктическими территориями. Однако, по словам Стефансона, «уже на второй год после начала работы мы с грустью стали отдавать себе отчет в том, насколько все возрастающая холодная война тормозит нашу работу [...] ведь Арктика является на три четверти советской!» [2].

При создавшейся неблагоприятной обстановке вскоре стало очевидным, что сотрудничество Советского Союза в деле подготовки «Арктической энциклопедии» не окажется

возможным. И все же советские дипломатические представители в США М. М. Литвинов, а затем А. А. Громыко любезно обещали снабжать Стефансона поступающими в советскую печать материалами по вопросам Севера. Это явилось большой помощью составителям «Арктической энциклопедии»: в магазин советской книги в Нью-Йорке в те времена попадали далеко не все научные журналы, издававшиеся у нас. Много интересных сведений составители «Арктической энциклопедии» почерпнули из Большой Советской Энциклопедии, а также из трех томов «Сибирской энциклопедии», старой русской энциклопедии Брокгауза и Эфрона, многих изданий Главсевморпути, АН СССР и Географического общества СССР, сборников «Летопись Севера», журналов «Советская Арктика», «Проблемы Арктики», «Природа» и других советских изданий.

Работа разворачивалась успешно, накапливались материалы, вскоре полностью были готовы два тома и заканчивалась подготовка еще шести. Но обострявшаяся «холодная война» и реакционная деятельность сенатора Маккарти и его приспешников делали свое дело. Летом 1950 г. началась травля Стефансона. На него обрушилась пресса, лавиной росли нападки и клевета. Стефансон издавна был известен как друг Советского Союза, как почитатель советской полярной науки. Мракобесы припомнили активную деятельность ученого за сближение с Советским Союзом, его теплые выступления на чествованиях советских летчиков в 30-х годах, его деятельность по организации поисков пропавшего без вести Леваневского; вспомнили и его выступления в дни мировой войны. В создавшейся атмосфере все было истолковано как нечто предосудительное, крамольное.

Вскоре Стефансон получил извещение об отмене правительственной субсидии на издание «Арктической энциклопедии». Пришлось распустить штат сотрудников и отменить заказы научным специалистам. Причина отмены субсидии официально не объяснялась. Позднее Стефансон так охарактеризовал эти события: «После десяти лет, в течение которых я успел рассмотреть множество выдвинутых теорий и догадок, я остановился на точке зрения, созревшей в то время, когда маккартизм уже выдыхался. Мне кажется, что, как и я сам, круги военно-морского флота, субсидировавшие «Энциклопедию», сначала не принимали Маккарти всерьез. Однако когда они увидели, как он

В. Стефансон с женой на даче в Вермонте, 40-е годы

бесцеремонно расправляется с представителями армии на заседаниях сенатского комитета, они решили, что, пожалуй, разумнее порвать сношения со мной, как с весьма вероятной его мишенью, и следовало это сделать раньше, чем он обвинит их в сотрудничестве со мной. Таким образом, в случае если Маккарти обрушится на них, они смогут с раскаянием и сожалением признаться в том, что первоначально они действительно были мной обмануты, но что они порвали со мной раньше, чем мне удалось нанести какой-либо вред. Они тогда смогут гордиться выполненной ими благородной задачей, а именно тем, что они помешали опубликованию «Арктической энциклопедии» и предотвратили распространение полярной науки, которая могла бы оказаться полезной Советскому Союзу» [2].

Несколько иную версию о трагической судьбе «Арктической энциклопедии» привел канадский географ Д. М. Лебурдэ в своей работе «Ambassador of the North» («Посланец Севера»), являющейся своего рода биографией Стефан-

сона: «По моему, этот исход был неминуем,— писал Лебурдэ.— В течение многих лет Стефансон неустанно восхвалял достижения СССР и его успехи в развитии северных областей, причем он делал обидные сравнения между Канадой и США, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой. Им руководило желание стимулировать предприимчивость наших стран в области исследования и освоения Арктики. Но ведь одно, когда авторитетное в данной области лицо говорит о советских успехах, а совсем другое дело, в особенности в атмосфере разгорающейся холодной войны, когда это написано в научном труде, выходящем под эгидой научной секции одного из министерств США. Ведь «Арктическая энциклопедия» не могла не продемонстрировать советское превосходство в науке о Севере. Если б «Арктическая энциклопедия» вышла в свет, это означало бы, что советское превосходство признано самими Соединенными Штатами» [3].

На свои личные средства Стефансон, естественно, не мог содержать и обслуживать свою невероятно разросшуюся «Полярную библиотеку», известную как самая крупная в западном мире. Стефансон стал собирать ее в начале 20-х годов. К началу 60-х годов «Полярная библиотека» уже содержала более 25 тыс. книг на разных языках, около 50 тыс. брошюр и рукописей. Среди ее книг было много советских и старых русских изданий; «Полярная библиотека» выписывала все советские журналы и научные публикации, касающиеся Севера, географии и истории.

Стефансон стал известен как коллекционер произведений на полярную тему не только в Америке, но и в Европе. От букинистов разных стран к нему поступали предложения редких книг, неизданных рукописей, писем и т. п. Постепенно тематика его коллекции переступила за пределы Арктики: он стал собирать труды о мореплавателях и землепроходцах всех времен и народов, о кораблях, чьи имена вошли в историю, книги по географии и всеобщей истории и, разумеется, по своей любимой дисциплине — антропологии. Последняя соприкасалась с фольклором, а также со всеми науками, которые Стефансон считал отделами антропологии (физиологией, биологией и т. д.), и, наконец, с медициной. Естественно, что в его библиотеку поступали произведения и этой тематики.

Страстно увлекаясь созданием коллекции книг, уступающей лишь библиотеке Арктического института СССР,

В. Стефансон среди студентов Дартмут-колледжа

Стефансон вкладывал в нее все свои заработки. Сам ученый жил очень скромно, урезывая личные расходы до минимума. Библиотека разрасталась, часто приходилось снимать более просторное помещение, нанимать персонал для каталогизации и обслуживания. Доступ в «Полярную библиотеку» был свободным. Ее посещали ученые, исследователи, путешественники, историки, писатели, студенты. Стефансон охотно принимал каждого, кто желал посоветоваться с ним перед отъездом в северное путешествие. Он щедро и заботливо делился всем, что могло помочь отправляющемуся в экспедицию. Каждый студент или ученый, обратившийся к Стефансону за советом, неминуемо поддавался его обаянию, заражался его энтузиазмом и уходил от него с сознанием, что приобрел друга и наставника. Такое отношение к людям в большой мере содействовало громадной популярности Стефансона среди молодежи.

Автор вспоминает рассказ Стефансона об одном курьезном обстоятельстве. В период, когда США уже вступили

во вторую мировую войну, Стефансону понадобились советские публикации по арктическим вопросам. Однако оказалось, что ни в библиотеках, ни в университетах или научных учреждениях США нет выпусков советских журналов и публикаций начиная с конца 1939 г. Между тем было известно, что с начала войны в Европе почта из СССР шла в США через Сибирь и тихоокеанские порты Америки. Выяснилось, что в разгар яростной антисоветской кампании, вспыхнувшей в США в момент советско-финляндской войны, почтовые власти западного побережья Соединенных Штатов приказали сжигать все без исключения печатные материалы, поступающие из Советского Союза, считая, что они представляют собой опасную коммунистическую пропаганду. Так, в течение нескольких месяцев погибли все научные журналы, на которые были подписаны американские библиотеки, университеты, научные учреждения и ученые.

После прекращения работы над проектом «Арктической энциклопедии» Стефансон перевез свою «Полярную библиотеку» в Дартмут-колледж. С этого момента университет стал обладателем обширной коллекции материалов по вопросам Арктики. «Полярная библиотека» послужила толчком к введению в этом университете новых дисциплин: географии полярных стран и народностей Севера. Кроме того, в университете открылся «Арктический семинар».

Итак, «Арктическая энциклопедия» фактически пала жертвой «холодной войны» 40—50-х годов. Прекращение работы над ней явилось тяжелым ударом не только для Стефансона, но и для всех, кто был связан с проектом «Энциклопедии» и кому было тяжело разлучаться со своим руководителем. Ученый умел воодушевить своих помощников и сплотить их в дружную семью. Добрый и отзывчивый, он относился сердечно и заботливо к каждому члену своего коллектива. Стефансона волновала судьба его сотрудников. Чувствуя это, каждый из них в случае необходимости обращался к нему даже с личной просьбой. Все, кто работал со Стефансоном, неминуемо становились его учениками и последователями его арктических идей. Добрую память о нем сохранили все работавшие в «Полярной библиотеке» и над «Арктической энциклопедией».

Стефансон и медицина

Стефансон всю свою жизнь интересовался медициной. Он считал эту науку входящей в его любимую область знаний — антропологию.

В годы полярных путешествий, тщательно и строго научно исследуя все аспекты жизни в Арктике, ученый обращал особое внимание на состояние здоровья эскимосов. При этом он отмечал, что в рацион их питания входит много мяса. В дальнейшем его собственный опыт экспедиционной жизни, когда, подобно эскимосам, он питался исключительно продуктами охоты, мясом и рыбой, сделал ученого страстным сторонником мясной диеты. И это вопреки утвердившемуся тогда в науке взгляду, что человек не может жить, питаясь исключительно мясом. Больше того, Стефансон считал, что мясные продукты обладают целебной силой. Случай помог ему доказать правоту этого мнения. Три его спутника по экспедиции, отнесясь с пренебрежением к советам Стефансона, питались лишь привезенными продуктами. В результате все они заболели цынгой. Стефансон быстро вылечил их, заставив пить крупными дозами свежую кровь убитого зверя.

Вернувшись в цивилизованный мир после пребывания в Арктике, Стефансон столкнулся в этом вопросе уже с профессиональными медиками. Узнав, что на фронте среди британских войск свирепствовала цынга, Стефансон направил в журнал Американской медицинской ассоциации статью, озаглавленную «Observations on three cases of scurvy» («Наблюдения над тремя случаями цынги»). В основу ее легли полевые заметки ученого, а также его наблюдения и способы лечения заболевших товарищей. Сначала статья Стефансона попала в корзину отвергнутых рукописей. Но благодаря какому-то любознательному редактору она была извлечена оттуда и напечатана в ноябрьском выпуске журнала за 1918 год.

В середине 20-х годов споры между специалистами в области питания особенно обострились. Стефансон — в то время автор ряда статей, посвященных вопросам питания, — предложил смелый эксперимент — опыты на человеке. В качестве кандидата ученый назвал себя. В 1927 г. при Институте патологии «Рассел Сэдж» был образован специальный комитет, в который вошли эксперты по ме-

диетике, биологии, физиологии, антропологии и т. п. Под руководством комитета Стефансон и Чарли Андерсен, его товарищ по арктическим экспедициям, больше года жили исключительно на мясной диете. Все это время над ними велись тщательные наблюдения. Сначала Стефансон и Андерсен находились в больнице «Бельвью», а последние месяцы эксперимента — на загородной даче. Стефансон не прерывал своей исследовательской и писательской деятельности, продолжал выступать с докладами. Результаты и заключения специалистов, исследовавших Стефансона и Андерсена, были опубликованы в «Американском журнале пищеварения и питания».

Итак, Стефансон, новатор в области полярных исследований, оказался новатором в области диететики. Недаром Юджин Дюбойс, старший врач больницы «Бельвью», писал Стефансону: «В области диеты я от вас научился большему, чем от кого бы то ни было [...] главное, я избавился от предвзятых понятий [...] расширился мой диетический горизонт. Опыт над вами избавил меня от ряда предубеждений и направил мое внимание на все то, что можно почерпнуть, изучая питание слаборазвитых народов. Я продолжаю многому учиться от нашего опыта над вами, а также из чтения вашей «Гостеприимной Арктики» [4].

Вопросами питания Стефансон продолжал интересоваться до конца своих дней. Все это время он поддерживал тесный контакт с медицинским миром. В 1946 г. вышла его книга «Not by Bread Alone» («Не хлебом единым»). Предисловие к ней написано уже знакомым нам Юджином Дюбойсом. Антрополог А. Хутон — автор «Введения» к книге — сознается, что «первоначально Стефансон мне казался еретиком в области антропологии, отвергая все то, чему меня учили касательно эскимосов» [28]. Однако в результате возникшего между ними спора Стефансон вышел победителем, и Хутон рекомендовал «Не хлебом единым» как очень серьезный научно обоснованный труд. Книга имела огромный успех. В 1956 г. вышло ее второе, дополненное издание. Оно имело другое название — «The Fat of the Land» («Соль земли»).

В подтверждение своей теории о пользе «мясной диеты» Стефансон привел в книге описание 800 черепов представителей «мясоедных» народов (эти черепа он изучал в музеях ряда стран). Выводы из этих наблюдений

ученый подтвердил результатами раскопок, проведенных им на древних кладбищах Исландии. У всех черепов он обнаружил хорошо сохранившиеся зубы.

Стефансон особо остановился на Исландии. Ученый отмечал, что эта страна начиная с XIII в. и до XIX в. была полностью изолирована от Европы. В те времена в Исландии отсутствовало земледелие и население питалось исключительно мясом, рыбой и молочными продуктами. Контакты с Европой возобновились лишь в XIX в. и поначалу были весьма редкими. Мать Стефансона рассказывала ему, что во времена ее молодости она никогда не слышала о зубной боли и что впервые таковую испытали исландцы — жители портовых городов, куда из Европы начали возить сахар, консервы, муку и крупы. Стефансон и сам наблюдал подобное явление среди эскимосов Аляски и канадского Севера: зубной болью и цынгой заболело в первую очередь портовое население, пользующееся привозными товарами. Стефансон считал, что собранные им за 50 лет материалы подтверждают правильность его взглядов о том, какое питание полезнее человеку.

В 1960 г. из печати вышел последний медицинский труд Стефансона «Cancer: Disease of Civilization? An anthropological and historical Study» («Рак — болезнь цивилизации? Антропологическое и историческое исследование»). В этой работе на помощь Стефансону-антропологу пришел Стефансон-фольклорист. Ученый находит подтверждение своей теории питания в одной из версий древнегреческого мифа о Прометее. Когда Прометей даровал людям огонь и они стали пользоваться им для варки пищи, появились болезни. Человечество «стало хиреть», перевелись люди-великаны. Видя «вырождение человека», Зевс разгневался и жестоко наказал Прометея. На помощь человеку пришел Дионис. Он научил людей пить фруктовые соки, мед и подвергать эти продукты брожению.

Видные медики-физиологи Филип Р. Уайт и Ренэ Дюбос, написавшие предисловие и вступление к этому произведению, подчеркивали его научную обоснованность. И это не удивительно. При его написании Стефансон не ограничивался собственным опытом работы в Арктике, черпал данные из многочисленных архивов, из записок путешественников и ученых — врачей, физиологов, антропологов и т. п., живших и работавших в разных частях света. Тщательно изучив собранные материалы, Стефан-

сон пришел к заключению: заболеваемость раком возрастает прямо пропорционально развитию цивилизации.

В подтверждение своего тезиса Стефансон ссылаясь на мнение своего противника — знаменитого Р. Амундсена. Как известно, последний в своей книге «The Northwest Passage» («Северо-Западный путь»), изданной в 1908 г., отмечал пагубное влияние европеизации на здоровье и долголетие северных племен... и растлевающее влияние цивилизации на эскимосов» [29]. Стефансон упоминал и д-ра Хау, врача-антрополога, знатока Севера, утверждавшего, что нет заболеваний раком среди тех эскимосов, которые продолжают вести туземный образ жизни.

Особо выделял Стефансон мнение д-ра Альберта Швейцера, долгие годы проработавшего врачом среди племен запада Экваториальной Африки. Этот снискавший мировую известность ученый своими наблюдениями как нельзя лучше подтвердил идею Стефансона. Прибыв «в Южную Африку в 1913 г., — писал Швейцер, — я был удивлен тем, что мне совсем не встречались заболевания раком... Однако в последующие годы случаи рака стали встречаться все чаще и чаще. Я склонен это приписать тому, что аборигены все более и более перенимают образ жизни болых [...] Приходишь к заключению, что главной причиной рака является наша выродившаяся цивилизованная система питания...» [29].

В заключительной главе книги Стефансон писал о самом здоровом и, по его мнению, физически наиболее совершенном народе нашей планеты — племени хунза, проживающем вдали от «белой» цивилизации, в далеких индийских горах Каракорум.

Последние годы жизни

Последние годы жизни Стефансон посвятил написанию автобиографии. Она была опубликована в 1964 г. уже после смерти ученого. Стефансон назвал свою книгу «Открытие». Он писал: «Открытие было моей жизнью. Сначала мальчиком я открывал Новый Мир. Затем последовали открытия тех новых идей, которые, подобно

В. Стефансон с женой в день своего 80-летия знакомится с поздравительной почтой

пшенице прерий, пускали ростки в этом мире. Затем открытие древних народов и неведомых дотоле земель, а теперь, наконец, открытие того, как самый факт открытия влиял на мою жизнь» [2].

Стефансон всю жизнь оставался верен своему принципу — тесной связи теории и практики. Ученый основывал свои теории на личном опыте и на научных изысканиях. Поэтому он всегда был готов доказать на практике состоятельность выдвигаемых теорий. Как уже говорилось, он охотно участвовал в эксперименте, связанном с проверкой его теории питания. В последней главе автобиографии — «Мой новый каменный век» ученый рассказал о своем последнем опыте над собой, еще раз подтвердившем правильность его теории.

В 1952 г. Стефансона сразил инсульт, в результате чего он оказался частично парализованным. Он чувствовал себя отвратительно отчасти из-за строгой диеты, пред-

писанной врачами, но главным образом из-за неспособности работать. Бездействие было для него невыносимо, и, взбунтовавшись, Стефансон отказался слушаться врачей и перешел на свою излюбленную диету «каменного века», т. е. на «эскимосское питание мясом». К изумлению врачей он быстро оправился от паралича, «помолодел на десять-двадцать лет» и стал вновь ежедневно проводить 12 часов за пишущей машинкой. Ученый прожил еще десять лет в состоянии полной работоспособности.

Стефансону шел 83-й год. В марте 1962 г. он закончил последнюю главу автобиографии, написал короткое «Послесловие». В августе рукопись была подготовлена к отправке издателю. Неожиданно ученого сразил второй инсульт. 26 августа 1962 г. его не стало.

Когда весть о кончине Стефансона облетела ученый мир, одной из первых полученных в Дартмуте телеграмм было послание советского полярника А. Ф. Трешникова. Директор Арктического и антарктического научно-исследовательского института СССР от своего имени и от имени своих сотрудников выражал соболезнование по поводу кончины «выдающегося ученого и исследователя Арктики, создателя крупнейшей полярной библиотеки, чье имя высоко чтут советские полярники и исследователи».

Самая крупная газета Соединенных Штатов «Нью-Йорк таймс» отвела некрологу Стефансону более трех полос. Она назвала его самым большим авторитетом по вопросам Арктики, величайшим американским ученым, чьи предсказания о трансполярных полетах и подледных плаваниях, об экономическом освоении Арктики сбылись в последние десятилетия. Давая краткий отчет об экспедициях и многочисленных литературных трудах Стефансона, газета ни словом не обмолвилась о его монументальном труде «Арктическая энциклопедия» и о том, почему он остался незавершенным.

В последующие месяцы некрологи появились в научных журналах многих стран. В них не только отмечались заслуги Стефансона — знаменитого полярного исследователя, открывшего новую эру вступления Арктики в международную жизнь, предвидевшего бурное развитие полярных областей, — но и перечислялись уже осуществившиеся его предсказания. Печать отмечала значение литературно-исторических трудов Стефансона, его вклад в целый ряд наук.

В 1963 г. незадолго до появления «Открытия» известный канадский географ Д. М. Лебурдэ опубликовал книгу о Стефансоне «Посланец Севера». В ее предисловии автор заявлял, что не претендует на то, чтобы дать всеобъемлющую биографию Стефансона, потому что «ни одна книга не способна дать полного портрета столь сложной личности [...] О Вильялмуре Стефансоне несомненно будет написано много книг по мере того, как ученые осознают и оценят влияние, оказанное на нашу эпоху его пророческой интуицией, его широким кругозором». Говоря о недостаточном признании заслуг Стефансона как в Канаде, так и в Соединенных Штатах, Лебурдэ замечал: «Если б Стефансон родился в России, он нашел бы там широкое поле для применения своих талантов и своей энергии...» [3].

В рецензии на «Открытие» Стефансона критик журнала «Нью-Йорк таймс бук ревью» перечислил крупные заслуги Стефансона во многих областях науки. Он подчеркнул, что со временем из архивов будет извлечено множество материалов, которые несомненно раскроют величие личности Вильялмура Стефансона, личности, много значительнее той, которая проступает на зачастую скромных страницах его автобиографии.

В кратких обзорах автобиографии Стефансона американские критики осторожно обходили вопрос об «Арктической энциклопедии» и о причинах ее «безвременной кончины». Лишь один британский журналист упомянул о «панических временах маккартизма» и о том, что Стефансон оказался под подозрением в силу своей осведомленности о советских достижениях и своих хвалебных о них отзывах...» [30].

В мировой науке Стефансон занял место величайшего полярного исследователя современности, сокрушителя ложных понятий прошлых веков, новатора, проложившего путь к совершенно новому пониманию значения Севера, его международного значения. Стефансон стал наставником двух поколений ученых, которых он вдохновил на научное исследование Арктики, дотоле казавшейся неприступной и являющейся полем деятельности одних лишь отважных путешественников-спортсменов. Его друзья и ученики сохраняют память о Стефансоне — гуманисте и прогрессивном деятеле, борце за правду, за дружбу и мир между народами.

Л и т е р а т у р а

Источники, цитируемые в тексте

1. Hanson E. P. Stefansson: Prophet of the North. New York, 1941, p. 40, 96, 178, 201, 228.
2. «Discovery — The Autobiography of Vilhjalmur Stefansson». New York, Mc Graw-Hill Book Company, 1964, p. 3, 41, 82, 136, 137, 140, 144, 148, 151—152, 232—233, 269, 300, 325, 362, 366, 380, 381, 401.
3. Lebourdais D. M. Stefansson — Ambassador of the North. Montréal, Harvest House, 1963, p. 32—33, 52, 149, 172, 184, 188.
4. Stefansson V. My Life with the Eskimos. New York, 1913, p. VII, XI, 178, 181, 192, 200.
5. «The National Geographic Magazine», vol. 23, N 12, 1912.
6. Stefansson V. The Friendly Arctic. New York, 1943, p. VII—VIII, XXIX, XXV, 409, 431, 687, 694, 695, 696, 701, 703, 713.
7. Evelyn Stefansson. Within the Circle. New York, 1945, p. 81.
8. Стефансон В. Гостеприимная Арктика. М., Главсевморпуть, 1935, стр. 3—10.
9. Стефансон В. Охотники Крайнего Севера. М.—Л., «Молодая Гвардия», 1929, стр. 8—12.
10. Стефансон В. Новая страна на Севере. Хабаровск. Дальгиз, 1933, стр. 6.
11. Stefansson V. The Northward Course of Empire. New York — London, 1922, p. 19, 170.
12. Stefansson V. Unsolved Mysteries of the Arctic. New York, 1938, p. X, 126, 127.
13. Sullivan W. Vilhjalmur Stefansson 1879—1962.— «The Geographical Review», vol. 53, N 2, 1963, p. 291.
14. New Compass of the World — A Symposium on Political Geography. Hans W. Weigert, Vilhjalmur Stefansson, Richard Edes Harrison (Editors). New York, 1949, p. XI, XVIII.
15. Стефансон В. Значение дрейфа «Седова» для мировой науки.— «Проблемы Арктики», 1940, № 2, стр. 47.
16. «Известия», 2 июля 1937 г.
17. «Известия», 15 июля 1937 г.
18. «Известия», 23 августа 1937 г.
19. «Soviet Russia Today», July 1937.
20. Чкалов В. Наш трансполярный рейс. М., Госполитиздат, 1938, стр. 51.
21. ЦГАОР СССР, ф. 9570, оп. 2, д. 104, л. 182.
22. Wilkins H. Our Search for Levanevsky. New York, 1938, p. 6.
23. «Soviet Russia Today», May 1938.
24. «Soviet Russia Today», July-August 1939.

25. Stefansson V. Arctic Manual. New York, 1944, p. IX.
26. «Canadian Affairs», vol. 1, N 12, 1944.
27. Личный архив В. Стефансона.
28. Stefansson V. Not by Bread Alone. New York, 1946, p. XII.
29. Stefansson V. Cancer: Disease of Civilization? An Anthropological and Historical Study. New York, 1960, p. 14, p. 15—16, 37—38.
30. «The Times Literary Supplement», London, June 17, 1965.

Основные труды В. Стефансона

Книги

- My Life with the Eskimos. New York, 1913.
- The Stefansson — Anderson Arctic Expedition of the American Museum: Preliminary Ethnological Report by Vilhjalmur Stefansson. «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», vol. XIV, part I, 1914.
- The Friendly Arctic. New York, 1921.
- Hunters of the Great North. New York, 1922.
- The Northward Course of Empire. New York, 1922.
- The Adventure of Wrangel Island. New York, 1922.
- The Standardization of Error. New York, 1927.
- Adventures in Error. New York, 1936.
- The Three Voyages of Martin Frobisher. New York, 1938.
- Unsolved Mysteries of the Arctic. New York, 1938.
- Iceland: The First American Republic. New York, 1939.
- The Problem of Meighen Island. New York, 1939.
- Ultima Thule — Further Mysteries of the Arctic. New York, 1940.
- Greenland. New York, 1942.
- The Friendly Arctic (New edition with new material). New York, 1943.
- Arctic Manual. New York, 1944.
- Compass of the World (with Hans W. Weigert), New York, 1944.
- Not by Bread Alone. New York, 1946.
- Great Adventures and Explorations. New York, 1947.
- New Compass of the World. New York, 1949.
- The Fat of the Land (revised, enlarged edition of «Not by Bread Alone»). New York, 1956.
- Northwest to Fortune. New York, 1958.
- Cancer: Disease of Civilization? An Anthropological and Historical Study. New York, 1960.
- Discovery — The Autobiography of Vilhjalmur Stefansson. New York, 1964.

Статьи

- The Icelandic Colony in Greenland.— «The American Anthropologist», June 1906.
- The Eskimo and Civilization.— «The American Museum Journal», vol. XII, N 6, Oct. 1912.
- Stefansson's Declaration on the Blond Eskimos.— «The New York Sun», Sept. 15th 1912.

Prehistoric and Present Commerce among the Arctic Coast Eskimos.— «Canada Geological Survey, Museum Bulletin», N 6; «Anthropological Series», N 3, Dec. 30th 1914.

Observations on Three Cases of Scurvy — Meat Diet in Health and Disease.— «Journal of the American Medical Association». Nov. 23rd 1918.

Living off the Country as a Method of Arctic Exploration.— «The Geographical Review», vol. VII, N 5, May 1919.

The Arctic as an Air Route of the Future. «National Geographic», August 1922.

Transpolar Commerce by Air.— «US Air Service», April 1923.

Notes on Arctic Flying.— «Royal Geographical Society Journal», London, Febr. 1928.

The Background of the Transpolar Flights.— «Research Bulletin of the Soviet Union», vol. II, N 8, August 30th 1937.

A Prophecy Fulfilled.— «Soviet Russia Today», July 1937.

The Soviet Flyers may still be Alive. «The Explorers Journal», vol. XV, N 4, Dec. 1937.

American-Soviet Friendship.— «Soviet Russia Today», May 1938.

The Diet of Eskimos.— «The Medical Record», August 1939.

The Arctic Link. «Canadian Affairs», vol. I, N 12, July 1944.

The Diets of Explorers. «Military Surgeon», vol. IX, N 1, July 1944.

Meat Dint: Blood — anti-scorbutic factor. «Science», vol. XV, N 2, 1957.

Работы о В. Стефансоне

- А. Трояновский. Челюскинцы и Америка.— В кн. «Как мы спасали челюскинцев». Под ред. О. Ю. Шмидта, И. Л. Баевского, Л. З. Мехлиса. М., Изд-во «Правда», 1934.
- В. Чкалов. Наш трансполярный рейс. М., Госполитиздат, 1938.
- Hanson Earl Parker. Stefansson Prophet of the North, New York, 1941.
- Lebourdais D. M. Stefansson — Ambassador of the North. Montreal, Harvest House, 1963.

С о д е р ж а н и е

От редактора	5
Введение	8
Детство и юность	10
Первая полярная экспедиция	17
Вторая полярная экспедиция	23
Стефансон и американская пресса	29
Третья полярная экспедиция	33
Снова на Большой Земле	43
Стефансон — писатель	52
«Я выражаю свое восхищение...»	61
В годы второй мировой войны	71
«Арктическая энциклопедия» и «Полярная библиотека»	75
Стефансон и медицина	81
Последние годы жизни	84
Литература	88

Евгения Александровна Ольхина

Вильялмур Стефансон

*Утверждено к печати
редколлегией научно-биографической серии
Академии наук СССР*

Редактор В. П. Большаков

Технический редактор Л. Б. Логанова

Сдано в набор 27/I—1970 г. Подписано к печати 29/IV—1970 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2.

Усл. печ. л. 4,93. Уч.-изд. л. 4,6.

Тираж 6000 экз. Т-07030. Тип. зак. 99

Цена 28 коп.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

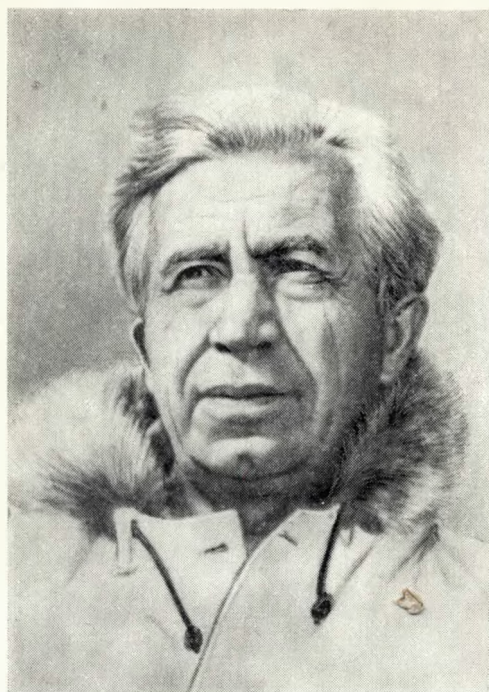
2-я типография издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
24	11 св.	Zife	Life
30	11 св.	картины	карты
48	5 св.	пингу,	цингу,
52	2 св.	оленоводческое	оленоводческое
			предприятие
84	16 сн.	больш	белых
90	10 сн.	Dint	Diet

Е. А. Ольхина

ВИЛЬЯЛМУР СТЕФАНСОН

28 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· Н А У К А ·